

ДОШ

СЛОВО

№1 (1) апрель 2003

ВОЗВРАЩЕННОЕ ИМЯ

с. 7

ЛЕТЧИК ДАША АКАЕВ

прорвал фронт
на Ленинградском
направлении

«Слепая смерть грозит лишь племенам
Еще не просветленным, бессловесным»
В.Шекспир

«Дош» - «Логос» - «Слово» способно сплести и крепить «ткань» времени, как и «прервать» дней связующую нить», и «Слово» же в силах «ввести время в колею».

«Дош» - «Слово» есть не просто «слово»: вайнахский «Дош» - «Закон» подобно греческому - «Логосу» созидает «иерархию» мироздания и своим многократным синтезом мостит ступени свободы.

Душа нации - ее живой язык. Живая речь народа. Язык определяет и горькое и сладкое. Язык - и мед и яд. Слово родит войну и мир, восторг и радость, лечит горе и печаль.

Слово хранит память и создает историю: Слово - бессмертие ушедших поколений.

Радует и предается печали, любит и ненавидит человек: в нем сосредоточенно все великое и святое на земле. Человек - «двух миров связующее звено». Он - пересечение орбит неба и земли, свободы и необходимости. Когда «время вышло из колеи», Бог повелел человеку «вернуть его в колею» - В.Шекспир.

Лишь то слово красиво, что наполненно духовной энергией.

Красота речения не в его блеске и звоне, но в силе слова, в его приближении к Предвечному Слову.

Сила слова явлена, когда слово рождает радость, любовь дарит, растит и умножает добро.

Сила слова - в его устремленности к славе правды святой.

Только так достигаются красота единения логики ума и велений сердца, глубина мудрости, чистота чувств и мысли, совершенство нравственной свободы...

И лишь тогда слово может ровняться мужественному деянию высокой гражданственности.

«Дош» лингвистически выступает как синтез двух основных глаголов Бытия и Деяния, а именно: «До» (глагол Деяния) и «Ду» (глагол Бытия, Сущего) вместе с «Ша» (местоимение «Ша» означает «Сам - Сама - Само»).

«Дош» - «Ду - Ша - До - Ша» есть Логос Мысли, творящей себя и как Мысль, и как Бытие.

И тем самым «Дош» конституируется как Логос Бытия и Логос Становления, как Логос Истины и Логос Правды, как Логос Логоса: «Дуй».

Вайнахская цивилизация избежала крайностей религиозного фанатизма и мифотворчества, а также устояла перед интеллектуальным оптимизмом Сократа и панлогизма Гегеля благодаря тому, что прежде на практике отстояла свою Свободу как Добрую Волю.

Вайнахская цивилизация создала свой собственный персоналистский идеал жизнепонимания: Кьонахалла - Сисагалла.

Вайнахский персонализм закрепил Кьонахалла - Сисагалла как идеал высокой гражданственности и нравственного благочестия в Вайнахском Кодексе Гражданского Строительства: Адаге.

Дош - Логос - Слово - Закон Бытия, Познания и Деяния, - основа основ духовной деятельности человека.

Профессор Салман Вацанаев.

Ю. Сэшил ЦАРАПИНЫ НА ОСКОЛКАХ

Ю. Сэшил

ЦАРАПИНЫ
НА
ОСКОЛКАХ

Только огромной, понятной, но не простительной усталостью нашего общества можно объяснить то, что хроника-эссе Юнуса Сэшила «Царапины на осколках», выпущенная таким малым тиражом, не вызвала в стране того отклика, какого заслуживает.

Эта книга о чеченской войне, под российскими бомбежками написанная на русском языке чеченцем, есть ценный

исторический и бесценный человеческий документ - достоверный, великодушный, умный. И страшный...

Авторский взгляд на происходящее включает весь набор старо-давних, я бы сказала, рыцарских достоинств, обозначаемых чеченским словом «яхь», но по своей нравственной высоте превосходит их. На этой высоте уже немислимы героические, пророческие, проповеднические притязания...

Есть настоящее величие в том, что Юнус Сэшил, не отводя глаз, не теряя ни доброты сердца, ни присутствия духа, ни особой тонкости стиля и восприятия, отточенных культурой, смотрит, как вокруг от человеческого беснования рушится мир.

И укор, и урок, содержащиеся в книге Юнуса Сэшила, - куда более глубокого свойства, потому что здесь, кроме всего прочего, есть тайна и драма творчества, сурово, по-толстовски запрятанные вглубь.

Оставаясь вне всякого сомнения подлинным дневником очевидца, увы, не вымышленных

событий, «Царапины на осколках» - явление большой литературы. Культуры не только чеченской, но и мировой.

Великолепная проза, аскетичная разнообразно теме, но редкостная по своей художественной силе и благородному изяществу.

Красота книги Юнуса Сэшила если не равна ее потрясающей человечности, то достойна ее.

ИРИНА ВАСЮЧЕНКО, писатель.

Для приобретения книги Юнуса Сэшила
«Царапины на осколках» обращаться по тел. (095) 782-42-99.

СОДЕРЖАНИЕ

23 ФЕВРАЛЯ – 59 ЛЕТ СО ДНЯ ДЕПОРТАЦИИ ВАЙНАХСКОГО НАРОДА.

Степан Кашурко. «Родина вас не забудет» 7
Военно-исторический очерк

Светлана Ганнушкина:
«Мы должны помочь друг другу выжить» 16
Интервью с сопредседателем комитета «Гражданское содействие»

«В своей стране я словно...» 20
Репортаж из ЦВР (центра временного размещения)
беженцев «Серебряники» Тверской области

Юнус Сэшил.
Чеченцы примериваются к Европе,
а она к ним присматривается 22
Репортаж-эссе

Григорий Явлинский: «Вся позитивная политика
в России - соревнование со временем» 26
Интервью с лидером партии «Яблоко»

Вячеслав Измайлов:
Монолог офицера 28

«Союз, скрепленный на небесах...» 32
Очерк о Махмуде Эсамбаеве и его супруге

Акрам Хузам: «В основе всего лежит,
в первую очередь, борьба интересов» 34
Беседа с шеф-редактором московского бюро
телеканала «Аль-Джазира»

Александр Шляпников: «За хлебом и нефтью» 38
(Из воспоминаний)

«Ее слово зазвучало в горах и на равнине задолго до...» 42
Слово о поэте и современнице Бане Гайтукаевой

Марина Шатова: «Пока стоят незыблемые горы...» 45
Избранные стихи

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА!

с. 6

75 лет Степану Савельевичу КАШУРКО

ИНТЕРВЬЮ

Григорий ЯВЛИНСКИЙ:

с. 26-28

«Если вы
говорите,
что политика -
это искусство
возможного,
значит,
вы трусили
с самого
начала».

ПАМЯТЬ

Бана ГАЙТУКАЕВА

с. 42-44

СЛОВО
о поэте и
современнице

ЛЮДИ НОМЕРА

АКРАМ ХУЗАМ

«Если чеченцы - российский
народ, то к ним соответствен-
но и надо относиться...»

СВЕТЛАНА ГАННУШКИНА

«Жизнь продолжается, как
бы это ни было тяжело.»

КНИГА ВОСПОМИНАНИЙ

АЛЕКСАНДР ШЛЯПНИКОВ

История глазами
ее участника

www.dosh-journal.ru

Электронная версия журнала «ДОШ»
с 1 сентября 2003 года

ГРОЗНЫЙ

Фото З. ГАШАЕВОЙ

В 1991 году в Чечне с экрана телевизора в дом каждого чеченца вошел человек со светлым лицом, поражающий своей бьющей через край энергией. Он появился с увесистой папкой, которую не выпускал из рук. Буквально с первой минуты эфира он заставил себя слушать.

Люди отбросили все свои домашние хлопоты, сидели и плакали... плакали...

Он называл имена палачей высокогорного селения Хайбах, где заживо сожгли более 700 женщин, детей и стариков, которых не успели депортировать.

С экрана звучали имена палачей, носивших почести ветеранов войны.

Впервые из его уст все услышали имена чеченцев, представленных к высокому званию Героя Советского Союза, но так и не получивших Золотые звезды, оплаченные кровью на фронтах Великой Отечественной...

Он впервые называл имена «без вести пропавших», героев, которые сознательно уходили в последний бой в 1944-м, шли на верную смерть, чтобы не быть снятыми с фронта и депортированными в Казахстан...

И не случайно именно ему первый президент Чечни доверил разыскать в советских архивах сведения о судьбе Даши Акаева, родного брата своей матери...

Степан Савельевич Кашурко. Бывший помощник по особым поручениям маршала Советского Союза И.С. Конева, назначенный им однажды на поисковую работу, он более сорока лет не просто исполняет это святое дело, но и превратил свою жизнь в служение памяти всех забытых родиной героев. За этот беспрецедентный подвиг человеческого сердца, бьющегося во имя увековечения памяти защитников отечества, Степан Савельевич к 75-летию удостоен высшего ордена святого князя Даниила Московского. Недалек тот день, когда чеченский народ отметит по заслугам С.С. Кашурко, вписавшего свое имя

40 лет дорогами войны по следам героев!..

в героическую историю народа, продолжающего выживать даже на заре нового века.

За труд, равный подвигу, маршал Конев лично вручил Степану Савельевичу золотую медаль «Дорогами героев». Эти дороги заводили его в леса Белоруссии, степи Украины и Казахстана, в горы Кавказа... Сорок лет дорогами отгремевшей войны по следам героев!..

Но нигде не могли его ждать так, как ждали его в Чечне.

И он пришел. Пришел как друг нашего народа. Как брат. Не старший - равный. И ему поверили.

Ему доверили самое заветное: свою надежду узнать, наконец, судьбы родных и близких, о которых в архивах семей хранились официальные ответы, в которых все было очень похоже, хотя стояли разные имена.

«Майор Даша Акаев вылетел на боевое задание 26 марта 1944 года и не вернулся в часть» - с этого скупого ответа, присланного из Подольска матери, в ответ на ее настоятельные запросы в Москву о судьбе сына - летчика, начал свою дорогу Степан Кашурко...

И она в который раз привела его к Герою...

Мария БЛАНД.

«РОДИНА ВАС... НЕ ЗАБУДЕТ!..»

те спокойно, теперь вы далеко от фронта и никто не потревожит ваш сон. Знайте, я защищаю вас, я всегда с вами. Но если суждено будет умереть, то умру за свою Родину героем. Вас же, мама, Родина не забудет!..»

Письмо безграмотной Зане читал тот самый русский офицер, который на рассвете следующего дня вытолкнул удивленную и растерянную мать героя прикладом автомата из родного дома.

Сначала всех жителей Закан-Юрта согнали на колхозный ток. Все происходило, как в кошмарном сне. Говорили о чем-то дезертирстве и предательстве, хотя среди односельчан Заны не было ни дезертиров, ни предателей...

Как товарный эшелон добрался до Семипалатинска, Зана не помнила: всю дорогу ее была лихорадка. Тяжело переживая разлуку с родным краем, мать командира полка, советского летчика, решила написать письмо Сталину. Проходили недели, месяцы...

Ответа не было.

«Родина не забудет...» - обещал ей сын. Ей она верила. И ждала... Ждала...

* * *

Даша Ибрагимович Акаев родился в селении Шалажи Урус-Мартановского района 5 апреля 1910 года в семье бойца легендарной «Дикой дивизии» Ибрагима Акаева. Во время становления советской власти Ибрагим переселился в соседний Ачхой-Мартановский район, в Закан-Юрт. Даша закончил школу-интернат в соседней Ермоловке и ФЗУ в Ростове - на - Дону.

Работая слесарем на заводе Ростсельмаш, юноша в свободное время активно посещал аэроклуб. Когда в январе 1931 года на IX съезде комсомола был брошен клич: «Комсомолец, - на самолет!», Даша одним из первых поступил в объединенную школу пилотов ГВФ города Бийска. Успешно окончив ее, в 1933 году получил назначение в Закавказскую сельхозавиацию. Поближе к дому.

То было время торжества техники и высоких скоростей. Летчики завоевывали все новые высоты и осваивали дальние перелеты. Даша тоже решил совершить дальний перелет. Выполняя сельхозработы, самовольно изменил маршрут, на бреющем полете и трижды пролетел над родным селом и, к великому удивлению переполошившихся односельчан, посадил свою крылатую машину на краю села.

Он был первым летчиком из чеченцев и хорошо понимал, что в такой миг рождаются в шальных головах сельских мальчишек высокие мечты, с годами обретающие крылья...

За этот самовольный перелет на Дашу наложили дисциплинарное взыскание, но, учитывая то, что он проявил отвагу, проложив на небольшом самолете воздушный коридор через Кавказский Хребет, решили просить военкомат направить его в специальную летную школу в Одессе, где он получил в 1934 году первую аттестацию военного пилота.

Уже в следующем году Даша стал военным пилотом морской авиации, дислоцируемой в Ейске на берегу Азовского моря. Но настоящему асу тесно было на водных Азовских просторах, и он написал письмо тем, кто, на его взгляд, мог понять это лучше, чем в Кремле. Знаменитым летчикам - Водопьянову и Громову - Даша и обязан тем, что вскоре после своего письма будет приглашен в Хабаровск. Так он станет летчиком авиа эскадрильи Амурской Краснознаменной военной флотилии и возглавит экипаж гидросамолета МБР-2 (морской бомбардировочный разведчик). В мае 1937 года Акаева принимают в члены ВКП(б) и вскоре выдвигают на руководящую комсомольскую работу.

Страна, говоря языком военных, была «на марше». Она была »

нацелена вперед и выше, казалось, светлое будущее уже совсем рядом, за следующим поворотом...

В таком обществе не могло быть несправедливости. Так думал счастливый отец, которому в 1939 году жена Анна родила сына. Анна владела английским языком, и Даша не мог упустить свой шанс, он стал с ее помощью изучать язык, на случай войны. О ее близости среди военных приходилось слышать не так уж редко. Должность помощника военкома тяготила Акаева с самых первых дней. Он никогда не был «кабинетным» летчиком. Предвидя приближающуюся войну, Даша учил младших летчиков самостоятельно принимать решения в непредвиденных экстремальных ситуациях, таких, как вынужденная посадка и др. Но начинал он всегда первым. Когда он, под предлогом нехватки горючего, совершил вынужденную посадку вне аэродрома, последовало настояющее партийное разбирательство. Сохранился протокол заседания партийной комиссии №83 от 20 мая 1940 года. Вот выписка из него: «Суть дела: Парторганизация 117 авиаполка объявила т. Акаеву строгий выговор с предупреждением за вынужденную посадку без горючего вне аэродрома, вследствие нарушения приказов и наставлений, проявление недисциплинированности и излишней самоуверенности.

Постановили: Осудить нарушение Д. Акаева, но, учитывая искреннее признание им проступка, выразившегося в отступлении от приказов и наставлений по летному делу, приведшую к вынужденной посадке самолета, объявить выговор.

Пом. секретаря партийной комиссии АКФ старший политрук Егоров. 20 мая 1940 года»

* * *

Началась Великая Отечественная война, и старший лейтенант Акаев подал рапорт с просьбой немедленно отправить его на фронт. Однако командование Амурской Краснознаменной флотилии (АКФ) не спешило расставаться с опытным мастером дневных и ночных полетов, точной стрельбы и бомбометания. Акаева назначают заместителем командира 3-й авиаэскадрильи АКФ.

Враг стремительно приближался к Москве. Гитлеровские войска заняли Волоколамск, нависла угроза

над столицей. Даша Акаев настоятельно требует отправки на фронт, но вновь получает категоричный отказ: на Дальнем Востоке тоже может вспыхнуть война. «А вы ведь не рядовой, а командир...» - объяснили ему. Акаев вспылал: «Согласен на разжалование. Пошлите защищать Москву рядовым! Страна в опасности, а я отсиживаюсь здесь, в глубоком тылу, хожу по начальству, упрашиваю, унижаюсь. Рожденный летать, ползать не может!»

Наконец командование авиаэскадрильи и авиаполка АКФ сдалось. Акаеву подписали аттестацию: «Зам. командира ЗАО 117 АКФ старший лейтенант Акаев делу партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине предан. Дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным. Умеет воспитывать в личном составе боевой дух. Однако в работе были случаи, когда из-за принципа выполнял не то, что ему прикажут. Имели место проявления недовольства по службе, заявлял: «переведите рядовым летчиком». Авторитетом пользуется, о подчиненных заботлив. В общественно-массовой работе участвует активно.

Летает уверенно днем, ночью, под колпаком, в облаках и за облаками. За 1941 год имеет общий налет 112 часа 55 минут. Из них слепой - 9 часов 35 минут, ночной - 39 часов 47 минут, высотный - 5 часов 50 минут, маршрутный - 20 часов 54 минуты, в прожекторе - 1 час 50 минут. Летает на самолетах МБР-2, У-2.

Способен пренебрегать личными выгодами для пользы службы.

Волевой, инициативный, смелый, решительный командир. Вырос в деловом и политическом отношении. Как недостаток в работе иногда допускает невыдержанность по отношению к старшим командирам; своенравен, проявляет обидчивость.

Выводы:

Откомандировать в Действующую армию для изучения опыта Отечественной войны.

С аттестацией и выводами согласны.

Командир 117 авиаполка майор Мухин.

Военком 117 авиаполка ст. политрук Салло.

24 января 1942 года»

Не до «изучения опыта» оказалось старшему лейтенанту, который 31 января прибыл в распоряжение ВВС КБФ (Краснознаменного Балтийского Флота), а уже 2 февраля начал боевые вылеты. Только за первый день их было три.

За четыре дня в феврале Акаев произвел 12 боевых вылетов в ночное время на самолетах МБР-2, за что был представлен к ордену Красной Звезды, который был ему вручен 15 августа того же года. (Сохранилась запись в наградном листе).

Каждый боевой вылет, совершенный ст. лейтенантом Акаевым, подробно расписан в специальных отчетах о произведенных ночных вылетах на бомбовый удар по войскам и объектам противника.

Опыт Акаева стал достоянием не только 58-й Отдельной авиаэскадрильи, но и многих авиаподразделений ВВС КБФ. В конце года Дашу приглашают на встречу командиров и офицеров ВВС КБФ для обмена опытом бомбометания. Один за другим летчики рассказывали о своих достижениях. Но поднялся Даша Акаев и взорвал зал: «Дайте мне в руки штурвал скоростного бомбардировщика, и тогда я с удовольствием поделюсь своим боевым опытом!» Это было не просто смелое выступление. Это был вызов!..

Боевые летчики поддерживали своего товарища, и командование, приняв вызов, предложило ему поехать в авиашколу и переучиться на штурмовик с крейсерской скоростью в 200-410 км. в час.

Освоив новую машину, капитан Акаев получил назначение в 35-й штурмовой авиаполк 9-й штурмовой авиационной дивизии ВВС КБФ.

Небо не знало таких штурмовых атак по вражеским позициям: эшелонам, кораблям, пристаням... Он выработал и с успехом применял свои маневры при атаке цели, при выходе из нее, и при сборе группы для новых ударов по противнику и охотно обучал им летчиков.

В сентябре 1943 года Акаеву присваивают внеочередное звание майора и назначают командиром 35-го Штурмового авиаполка. Это было время подготовки наших сухопутных, морских и воздушных сил к решительному прорыву вражеской блокады Ленинграда.

»

Наступление Красной Армии под Ленинградом, задуманное еще в сентябре 1943 года, готовилось тщательно. Советское командование решило осуществить его войсками Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов. Привлекались также Краснознаменный Балтийский флот, его военно-воздушные силы и авиация дальнего действия.

Ленинградский фронт и активно поддерживающая его авиация КБФ перешли в наступление 14 января 1944 года. Вторая ударная армия и ВВС КБФ нанесли мощный удар с Ораниенбаумского плацдарма в направлении на Ропшу - мощный опорный пункт противника. Завязались напряженные бои. Фашисты оказывали ожесточенное сопротивление. Борьба за каждый опорный пункт требовала огромных усилий и самопожертвования. За первые три дня наши войска продвинулись всего лишь на глубину 8-10 км.

Во взламывании вражеской обороны чудеса храбрости показали штурмовики майора Акаева.

В газете «Правда» за 18 января 1944 года так и писали: «Штурмовики майора Акаева, несмотря на низкую облачность и плохую видимость, организованно подходили к цели и точно поражали ее.

Первым в воздух поднялся майор Акаев. Для обеспечения успеха операции он сначала атаковал зенитные средства врага. Уничтожил четыре зенитных автомата, затем поджег танк, взорвал бронемашину, землянку с солдатами и офицерами...»

Утром 19 января наши войска овладели Ропшей. В честь войск, участвовавших в прорыве обороны противника и освобождении Ропши, в тот же день в Москве был дан салют 20-ю артиллерийскими залпами из 224 орудий, а 9-й штурмовой дивизии, куда входил полк Акаева, было дано наименование «Ропшинская».

Командование дивизии за блестящее выполнение боевых заданий представило майора Акаева к ордену «Александр Невский», а фрон-

товая газета «Летчик Балтики» (12 февраля 1944) писала: «Пример Командира - Штурмовика. Майор Даша Акаев в бою.

Мы часто читаем в газетах сообщения с фронтового аэродрома: Летчики части Акаева уничтожили... следует перечисление уничтоженной живой силы и техники противника.

С первого дня нашего наступле-

ния на Ленинградском фронте летчики этой части активно взаимодействуют с наземными войсками. И всегда с летчиками их командир майор Даша Ибрагимович Акаев. Дома (так он называет свою землянку) его можно застать поздно ночью. Высокий, плотного телосложения, с темным восточного типа лицом, Даша Ибрагимович очень скуп рассказывает о себе, охотнее говорит о своих летчиках. Впрочем, это характерно и для других офицеров части. Когда на днях мы попросили лейтенанта Прокудина рассказать о своих боях, он долго и с увлечением говорил о Громе и Евстигнееве, о Сокове и Семенове, о всех тех, кого он ведет в бой, но только не о себе. Лейтенант же Попов из эскадрильи

Прокудина готов часами говорить о своем смелом и решительном командире. Таковы наши летчики. Они видят подвиги своих товарищей, восхищаются ими, но о своих боевых делах не распространяются.

Таков и майор Акаев. Он скромный и, как истинно скромный воин, откровенен и настойчив в бою.

14 января, пробивая туманы и облака, он вылетел в район Ропши штурмовать передний край немецкой обороны. Шесть атак произвел он и уничтожил немецкий танк, бронемашину, до двадцати солдат и офицеров.

Открыв боевой счет части в дни наступления, командир летал почти каждый день, то один, то ведя на цель по шесть-семь самолетов. И когда Акаев вел своих бойцов в воздух, летчики знали - они обязательно дойдут до цели и поразят ее.

Над одним немецким опорным пунктом во время штурмовки самолет Акаева был подбит зенитным снарядом. Осколки пробili броню, бензобак, разбили правую плоскость. Майор Акаев повел, однако, свой разбитый самолет на цель, сбросил бомбы и обстрелял ее из пушек и пулеметов. То же самое сделал его ведомые. Группа уничтожила свыше ста солдат, пять автомашин, одну артиллерийскую батарею и одну самоходную пушку.

Таких вот бомбоштурмовых ударов у майора Акаева немало.

И в снег, и в туман, и в облачную, и в ясную погоду он летит, мало сказать с желанием, - с радостью. Несомненно, в Акаеве - чеченце по национальности, и в людях его части, как в капле воды, отражена сила нашего многонационального Союза, страны, граждане и воины которой, разные по национальности, но одинаковые в своей любви к Родине, били врага с упорством, ожесточением и мастерством.

Белорус Владислав Кротевич, летчик части Акаева, бросил свою горящую машину на вражеское судно. Взорвался сам, но взорвал и корабль. Его подвиг повторил еврей Исаак Иржак, обрушив

»

горящий самолет на скопление живой силы и машин врага. Смертью храбрых, сражаясь до последнего патрона, пал украинец Шкода. Отлично воюют летчики Голиков, Наумов, Максютя, Прокудин, Евстигнеев и многие другие - русские, украинцы, белорусы, грузины...

Как велика должна была быть сила любви к Родине и ненависть к ее врагам, чтобы драться так, как дрались эти летчики.

В бою погиб один из замечательных летчиков. Со слезами на глазах пришел Даша Акаев в эскадрилью, взял карточку погибшего, положил ее в карман, возле сердца, и сказал: «Мы отомстим! Кто пойдет со мной туда, где он погиб?».

Вперед выступили все. Даша отобрал тех, кто летал с погибшим, - Голикова, Никитина, Максютю, полетел с ними, прорвался через зенитный огонь и уничтожил цель, которую тот не успел поразить.

Вот факт, который говорит о многом. Ленинград пришли защищать люди из разных концов нашей необъятной страны - и из степей Украины, и с гор Чечено-Ингушетии, и из лесов Белоруссии, и с заводов Москвы. Они поднимают оружие, выпавшее из рук погибших, и продолжают драться одинаково ожесточенно все - от рядового летчика до командира части».

Акаев любил штурмовик ИЛ-2 за его быстроходность и неуязвимость. Немцы очень боялись «Илов», называли их «Шварце тод» - черная смерть или «крылатые танки». Не раз самолет Акаева подбивали, и возвращался он на родной аэродром или шел на вынужденную посадку буквально «на честном слове и на одном крыле». Вот где пригодился опыт, приобретенный им в предвоенные годы, вопреки всем приказам и наставлениям!

Высокое летное мастерство Акаева, его бесстрашие и решительность в бою были хорошо известны гитлеровцам. В небе они сразу узнавали его по «почерку» и называли «русским асом».

Он давно усвоил одну истину: сколько бы ни осторожни-

чал, ни увливал летчик в бою, все равно не миновать того, что тебе написано на роду. Более того, когда робеешь, погибаешь быстрее. Даша взял за правило одолевать врага силой духа.

«Пусть смерть боится меня, а не я ее!» - решил он еще во время первых вылетов и следовал этому правилу неуклонно. Он стал летчиком высочайшего класса. Смело и виртуозно водил большие группы самолетов на штурм войск противника, его укреплений... Мастерски овладел методом бомбометания с пикированием. Тонны разящего груза сбрасывал он на головы врагов, пока на передовой не была пробита брешь, достаточная для прорыва наших войск...

Но по-прежнему неуязвимой оставалась одна вражеская точка...

В битве за Ленинград зловещую роль играл немецкий аэродром близ эстонского города Раквере. Здесь базировались тяжелые немецкие бомбардировщики «Хейнкель 111», наносившие большой урон нашим войскам. Они летали только в сопровождении новейших истребителей «Фокке-Вульф 190».

Аэродром построили с целью уничтожить Ленинград, а в случае прорыва блокады он должен был стать своего рода «воздушным замком» на пути наших войск на Запад. Так что нашей авиации предстояло прорубать окно в Европу уже в воздухе.

Сказать, что подступы к аэродрому Раквере были надежно укреплены, - все равно, что ничего не сказать. Аэродром был неприступен и с воздуха, и с земли - из-за Финского залива. Сплошное поле заграждений, зенитные батареи «Эрликон», большей частью замаскированные. Было известно, что их все время перебрасывают с места на место, оставляя на прежнем месте деревянные или фанерные макеты истребителей. Особенно часто к этому приему прибегали в направлении Финского залива, пытались запутать нашу разведку.

Над заливом наши самолеты летали и с разведывательными целями, и с целью специально вызывать огонь засекреченных точек. Однако немцы отвечали редко, а потом обе стороны даже «привыкли» друг к другу, и наши самолеты летали, не вызывая к себе особого интереса.

Даша нередко ловил себя на мысли, что само существование этого аэродрома оскорбляет его до глубины души. «Они ведут себя так, как будто здесь не осталось мужчин!» - говорил он друзьям. Однажды он даже видел «Хейнкели» с близкого расстояния; на большой высоте, возвращаясь после разведывательного боя, облепленный «Фокке-Вульфами». Черными и зловещими силуэтами выступили те внизу. «Командир! - услышал Даша в наушниках взволнованный голос летчика, недавно присланного в полк, - завалим парочку «Хейнкелей!»! «Отставить!» - ответил он быстро, остудив новичка. Они имели категорический приказ не ввязываться в бой во время внеочередного дежурства над заливом.

Но в этот день Даша решил таки для себя главную задачу: если бомбить Раквере, то надо подлетать со стороны залива: оттуда пролегал кратчайший путь до аэродрома.

»

К нашим самолетам над заливом фашисты почти привыкли и не ввязывались в бой. Даша решил использовать и это. Давно вынашиваемый план он все время заново просчитывал, выверял. Успех зависел от совершенно разных, внешне мало связанных факторов: направления и скорости ветра, высоты полета и угла пикирования, выхода из атаки и ухода самолетов от взрывной волны... Внезапность могла позволить выиграть лишь 10-15 минут. Дальше на штурмовиков обрушился бы такой плотный огонь, с которым еще никто из них не сталкивался. Многие погибли бы, но бомбы достигли бы цели...

Сколько раз ломал командир голову над этой главной для него задачей, но возможные большие потери в полку его останавливали.

И вот наступил этот день. 25 февраля 1944 года. Когда он вернулся с очередного успешно заверченного боевого вылета, по отдаленному вражескому аэродрому, боевые друзья заметили в командире разительную перемену. Он был чем-то глубоко подавлен; померк, замкнулся, смотрел вокруг себя отрешенно, безучастно. Что-то потрясло этого необычайно сильного, мужественного человека.

Тайна эта раскрылась многим только в начале марта, когда официально было сообщено по радио и во всех газетах о тотальной депортации в Казахстан чеченского и ингушского народов. Акаев же узнал об этой чудовищной акции на второй день после трагедии. Возвращаясь с дальнего боевого задания, по своей командирской рации Даша услышал сообщение в новостях англоязычной радиостанции о поголовном выселении как врагов народа чеченцев и ингушей.

Даша не помнил, как добрался до своей землянки, ушел за перегородку и лег, не снимая унты. Умный и рассудительный, он понимал, что бессмысленно обращаться в правительство... Всю ночь этот казавшийся выкованным из стали человек, не боявшийся смерти, тяжело стонал и впервые в жизни плакал, уткнувшись в подушку...

С тех пор, как умер отец, это был самый тяжелый удар в его

Фото из личного дела Д. АКАЕВА.

жизни.

Еще находясь на Дальнем Востоке, он слышал, что корейцев выселяют во внутренние районы страны. Объяснялось это необходимостью на случай войны с милитаристской Японией. Нельзя было предвидеть, как поведут себя корейцы. Безопасней было и для них, и для страны «переместить» их во внутренние районы. Так по крайней мере, была объяснена депортация корейцев. К Чечено-Ингушетии эти разъяснения никак не прикладывались. Линия фронта была уже очень далеко, чеченцы, как он слышал, отчаянно бьют врага. Политрук дивизии как-то подарил ему листовку о подвиге юного чеченца Ханпаши Нурадилова, пулеметчика, уничтожившего 920 фашистов еще в 1941 году.

Чем вызвана эта депортация? О сотрудничестве с фашистами не могло быть и речи: враг не дошел до Чечено-Ингушетии, а лишь издали бомбил Грозный. До сих пор это было его единственным утешением, умерявшим тревогу о судьбе родных и близких. Сейчас же у него голова шла кругом...

Он не находил ответа на мучительные, роем закружившиеся вопросы. Было что-то унижающее в этой несурзности, в том, что его народ выселила армия, которой он, Даша Акаев, готов отдать жизнь в любую минуту.

Если причина выселения чеченцев - недоверие, то вправе ли он командовать штурмовым авиаполком? Ведь люди доверяют ему свои жизни!..

В сильнейшем волнении вскочил он с топчана, задыхаясь в тесной

землянке, потом опять, уткнувшись в подушку, пытался сдержать вопль, рвущийся из груди. Его трясло все сильнее и сильнее. За что? За что?... И как теперь быть ему? Что предпринять?..

«Мать, где ты? Как ты?... Что я могу для тебя сделать?...» - сверлило в мозгу, и тут вдруг к нему на помощь, как в детстве, пришел отец. Даша вспомнил, как отец всегда напутствовал его, провожая в дальнюю дорогу: «Кіант, (сын), чтобы с тобой ни случилось, какое бы горе ни свалилось на тебя, помни: нет места ни на земле, ни в небе, где нет Аллаха. Он пошлет тебе только то, что ты сможешь вынести. На Него уповай, и Он не оставит тебя. Храни имя чеченца.»

«Как же я мог забыть?» - очнулся Даша. «Главное - не паниковать! - приказал он себе, - Находясь здесь, я защищаю Родину, а значит - свой народ, свою землю. Другого права у меня нет, что бы ни случилось с вами, мама».

Страшная реальность теперь придавала ему мужество. Он знал, что ему делать...

Составив приказ о нанесении ракетно-бомбового удара по аэродрому в окрестностях города Раквере, Даша написал короткую записку жене и сыну. (В определенные периоды на войне не разрешалось писать письма даже самым близким людям, особенно в частях повышенной секретности).

К товарищам он вышел, как всегда, собранный, подтянутый. Четко и ясно объяснил задачу и чисто по-человечески добавил: «Ребята, не впервой, конечно, летим, »

и редко возвращаемся без потерь. Этот штурм будет самым тяжелым. Потому говорю вам: кто сомневается в себе, может не лететь. У нас есть запасные экипажи». Ему не дали договорить. Всем строем шагнули вперед. А штурман Трохачев сказал не по уставу: «Командир, не надо слов. Веди нас в бой».

«С Богом!..» - ответил командир.

Командир 35-го штурмового авиационного полка майор Акаев назначил в полет пять экипажей. Поскольку задание было очень серьезным, решено было вместо воздушных стрелков взять штурманов и одного воентехника. Ведущим группы был сам командир. Обязанности воздушного стрелка у него выполнял штурман полка капитан Александр Фролович Трохачев. Второй экипаж составляли: зам. командира полка, он же командир 1-й эскадрильи, майор Григорий Филиппович Реутов и штурман эскадрильи лейтенант Михаил Семенович Онуфриенко. Третий экипаж - лейтенант Константин Николаевич Голиков и штурман звена младший лейтенант Алексей Федорович Логвинов. Четвертый экипаж - летчик 2-й авиаэскадрильи младший лейтенант Владимир Семенович Давиташвили и штурман этой эскадрильи, лейтенант Александр Тимофеевич Шутько. Пятый экипаж - летчик 2-й авиаэскадрильи, младший лейтенант Николай Гав-

рилович Никулин и воентехник этой же эскадрильи младший лейтенант Михаил Иванович Новоселов.

Задание было спланировано четко: атаковать цель со стороны Финского залива с одного захода курсом 160 градусов. Этим же курсом - отрыв от цели. Метеообстановка: облачность 6-7 баллов. Высота 500 метров. Стремительно атаковать, внезапно вынырнув из облаков, и выйдя из пике, тут же перейти на бреющий полет.

В 17.00 с переднего аэродрома в Капорье пятерка могучих «Илов», ведомых Акаевым, взмыла в небо и легла курсом на цель. Сопровождали пятерку восемь истребителей Як-9 из 12-го истребительного разведывательного полка.

В 17.40 точно вышли на цель. В момент атаки «заговорили» фашистские «Эрликаны», налетели «Фоккеры». Истребители в сопровождении Як-9 тут же ввязались в бой и при нанесении «Илами» ракетно-бомбового удара оказались над облачным массивом.

Удар по аэродрому получился молниеносным, ошеломляющим, мощным. То был жестокий, беспощадный бой. Взрывы невиданной силы сотрясали землю. Взрывные волны достигали «Илов». Некоторые были изрешечены зенитками и рассыпались в воздухе, как головешки. С земли их непрерывно били «Эрликаны». Они не сбавили огонь и тогда, когда начались поединки израненных «Илов» с «Фокке-Вульфами», и обе стороны оди-

наково страдали от разрывов зенитных снарядов.

Казалось, в небе стало тесно. Подбитые или таранившие друг друга самолеты вспыхивали, как бенгальские огни, и тотчас устремлялись вниз, волоча за собой хвост огненной кометы, обращаясь в черный шлейф дыма...

А там, внизу, все горело... Полыхало... Сотрясалось...

Аэродрома больше не было - сплошное бушующее пламя.

Неприступный фашистский аэродром стратегического назначения был стерт с лица земли.

Сильный заградительный огонь зенитных установок и навалившиеся сверху «Фоккеры» уничтожили все «Илы».

Самолет командира, загоревшись, в момент штурма упал в районе аэродрома...

Чудом остались в живых только два летчика - майор Реутов и младший лейтенант Давиташвили. Они попали в плен, из которого были освобождены в 1945 году.

Восемь героев штурма пали смертью храбрых, но остались забытыми Родиной. Золотая звезда Героя Советского Союза не была отлита и для легендарного командира, майора Акаева.

Посмертно представленный к этому высокому званию, он был вычеркнут из списка, как чеченец, представитель депортированного народа. Подвиг командира и всех, кто пал вместе с ним, обеспечив Советской Армии победоносное

На переднем плане штурмовик майора Акаева.

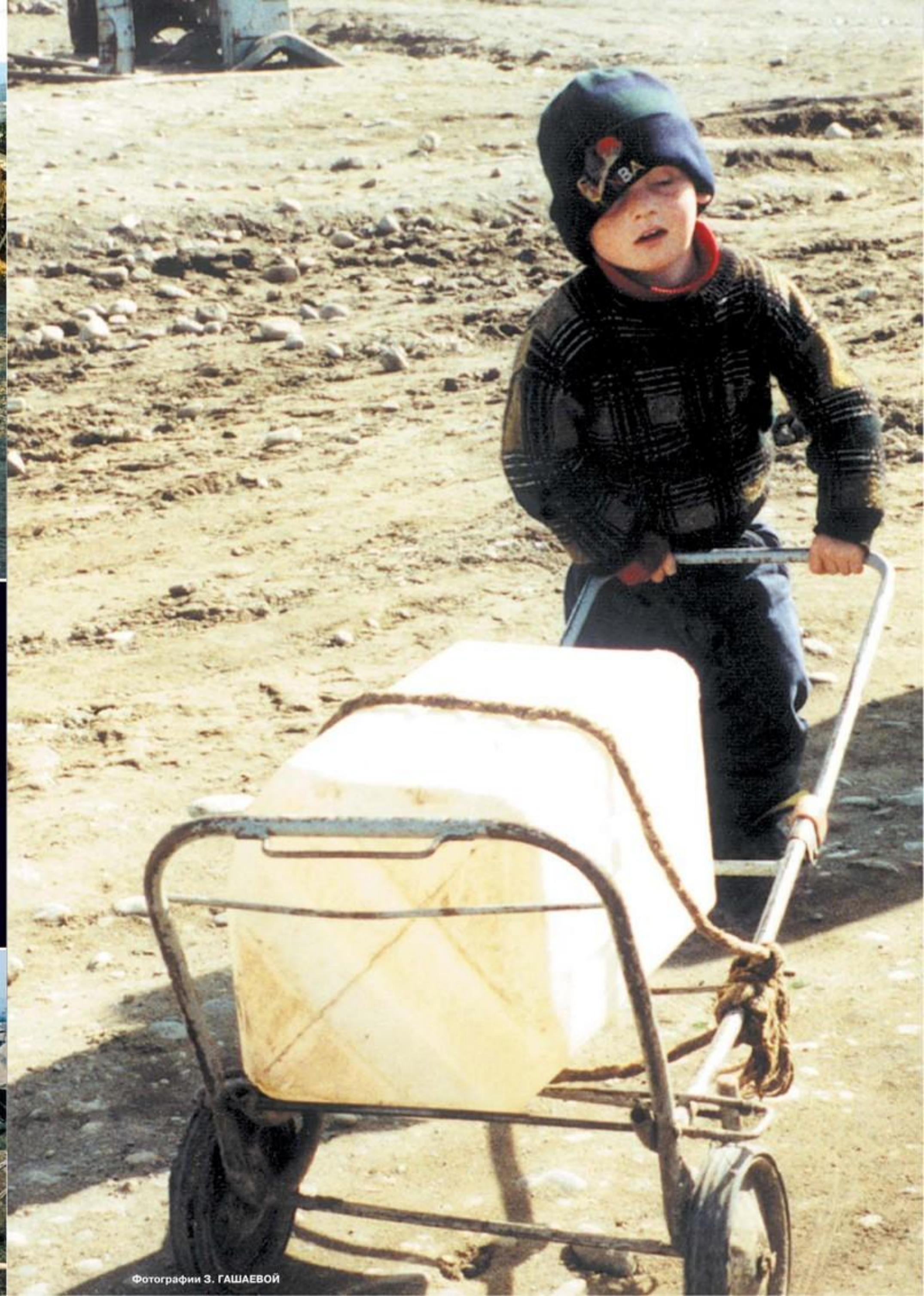
наступление на Берлин, предали забвению: пятая графа Даши Акаева оказалась роковой не только для него, но и для всех, кто, не задумываясь, пошел за своим командиром в огонь:

- Капитана Александра ТРОХАЧЕВА
- Лейтенанта Константина ГОЛИКОВА
- Мл. лейтенанта Алексея ЛОГВИНОВА
- Мл. лейтенанта Николая НИКУЛИНА
- Мл. лейтенанта Михаила НОВОСЕЛОВА
- Лейтенанта Михаила ОНУФРИЕНКО
- Лейтенанта Александра ШУТЬКО

Светлая память героям!..

Степан Савельевич КАШУРКО.
Руководитель поискового центра «Подвиг».
Международного союза ветеранов войн
и Вооруженных сил.

«Мы должны

Светлана Ганнушкина – математик с 30-летним стажем работы преподавателя в РГГУ. В 1990-м году вместе со своими соратниками создала правозащитную, благотворительную организацию Комитет «Гражданское содействие». Комитет оказывает помощь вынужденным мигрантам из стран СНГ, из других стран и россиянам, оказавшимся в положении «вынужденных переселенцев» в собственной стране. Сотрудники «Гражданского содействия» активно участвуют в качестве экспертов в разработке законодательных и нормативных актов в области прав беженцев и вынужденных переселенцев, и в этой сфере комитет сотрудничает с российскими и международными общественными и правозащитными организациями.

- Светлана Алексеевна, когда Вы начали заниматься проблемой беженцев и почему?

- Я лично начала заниматься проблемой беженцев в 1989 году. Была организована такая общественная структура «Секция национально-политических отношений при социологической ассоциации». Я в то время статьи писала в газеты, этнографы про меня слышали и пригласили в эту ассоциацию, что для меня весьма удивительно было. Я ведь математик, что мне там делать?

Первое, что обсуждалось – это армяно-азербайджанский конфликт. Ощущение четко было такое: Карабахский конфликт – это конфликт между демократической Арменией и консервативным Азербайджаном. Впервые тогда появились слова: исламский восток, исламский фундаментализм. Я считала, что это совершенно недопустимо в стране, где треть населения исторически исповедует Ислам. В начале, может быть, я даже сама ощутила восторг от того, что вот Нагорный Карабах перейдет под юрисдикцию Армении, и это будет справедливо. Я еще хотела съездить на каникулы в Армению, посмотреть на этот борющийся народ. Но в какой-то момент, где-то внутри у меня что-то сдвинулось... дай-ка я в Азербайджан поеду, ведь никто не ездил. Никто. И Старовойтова, и Елена Георгиевна (Боннэр - А.Д.), Ковалев – все побывали в Армении, и Сахарова они туда повезли. Все знали об одной точке зрения. И своя правда тут

есть, спору нет. Но невозможно понять что-то только с одной стороны, нужно же послушать и другую сторону. Я собралась и поехала в Баку. И с тех пор за мной тянется шлейф разговоров о моей антиармянской и проазербайджанской настроенности. Но это абсолютная неправда, мы здесь стольким армянам помогли. Я одна, не зная там никого, приехала в Баку. На улицах стояли танки... и ни одного человека (смеется). Я там собрала более 30 интервью. Ко мне пошел поток людей, у них такая была жажда высказаться... У меня получился такой сборник, который мог бы способствовать разрешению конфликта. К сожалению, в итоге пришлось показывать его только специалистам. Самое главное – я там впервые увидела беженцев. Это были люди, изгнанные из Армении, которые перешли этот перевал и остановились там, где их перестали гнать. Я видела их горе, страдания; женщину, у которой в дороге умер двухмесячный ребенок, она с этим кулечком, с мертвым... Это было ужасно. И это решило мою судьбу. Потом первые беженцы появились в Москве, бакинские армяне. Азербайджанцы до Москвы не дошли. И я пришла в армянское постпредство, принесла талончики на сахар, у студентов своих собирала. Власти говорили, что к маю 1990-го все беженцы должны вернуться. Мы стали обращаться к властям и говорить, что это на долгие годы, но нас почему-то не понимали. И уже осенью 90-го мы поняли, что должны объединиться, и создали «Гражданское содей-

ствие» вместе с покойной уже Викторией Чаликовой, Лидией Графовой и Вячеславом Игруновым. Организация, выросшая совершенно «снизу». Работали мы в здании «Литературной газеты», на лестничной площадке вели прием. Там у нас был журнальный столик и два кресла. Деньги собирали по знакомым, с бизнесменов и свои. Я долго сопротивлялась приглашениям поехать за границу, мне казалось, что это нечестно. И только в 1995 году все-таки поехала на конференцию, потому что поняла: если не буду ездить, я никогда не смогу развернуть работу широко. А знаете, когда мы первый грант получили? В 1998-м году. От Управления Верховного Комиссариата по делам беженцев (УВКБ) ООН.

- Вы всю первую войну работали в Чечне, помогали беженцам, как и сейчас. В чем, по-вашему, сходство и в чем различие между этими двумя войнами?

- Вторая война стала более жестокой... Более жестокой, к сожалению. В 1994-96 гг. действительно шла война, но не было такого извращенного садизма. Такого бессмысленного зверства. То есть бывали случаи, но не такие массовые. То, с чем сейчас приходится сталкиваться, – это кошмар, которого, конечно, нельзя было допускать. Когда читаешь про все эти убийства, издевательства над людьми, удивляешься, что ЛЮДИ могут делать такие вещи! К этому приводят годы противостояния, годы этого безумия, когда люди не отвечают за свою жизнь, становятся невероятно жестоки- ➤

помочь друг другу выжить!..»

ми и дают волю самым низменным чувствам и потребностям. И туда затем идут, чтобы разнудать их. Такие, как Буданов, становятся еще десять раз Будановыми. Это одно из отличий. Кроме того, состояние российского общества... Вот что удручает. Если, минимум 60-70% населения не поддерживали первую войну, то сейчас ровно наоборот. Т.е. дешевой пропагандой и агитацией, мол, чеченцы совершают террористические акты, чеченцы – бандиты, народ удалось убедить... И это очень страшно. Общество наше становится... Нет, оно уже стало расистским. Мальчик один, мой знакомый, ему 15 лет, отсутствовал в России полгода всего, когда вернулся, он сказал, что за эти полгода его одноклассники стали расистами. Это потеря нравственности общества. Мне кажется, в этом плане и в Чечне тоже ситуация изменилась. Ес-

ли первая война воспринималась как национально-освободительная и чеченское общество было сплоченным, то сейчас нет единства, разделились на бесчисленные группировки. Дискредитированы все верования, т.е. полный кризис идей. Я имею в виду не национальную идею, а идею на государственном уровне. И всюду ложь. Я говорю: люди, абсолютное их большинство, не хотят ехать домой из лагерей. Мне отвечают: покажите их. Врут прямо в глаза! В таком духе все. Борются с женщинами, детьми! В Подмоскovie хозяин хотел зарегистрировать своих квартирантов, его вызвали в милицию. Он оттуда вернулся с трясущимися руками и сказал: «Вы не представляете, как мне больно это говорить, но прошу вас выселиться». А речь идет о женщине с тремя детьми! С кем они воюют?

- Каковы особенности ситуации с беженцами за последний год? Как она меняется, и какие ожидания?

- Плохо она меняется, лучше не становится. Изменилась форма зачисток. Если какие-то люди и возвращаются, то от безнадежности. Они просто устали. Говорят: ладно, Бог с ним, помирять так помирять. Люди по-прежнему исчезают. Если раньше зачистки проводили, окружив и заблокировав населенные пункты, то теперь они стали адресными. Принцип адресной зачистки заключается в том, что военные могут прийти по любому адресу и сделать все, что хотят, убить кого хотят. Положение продолжает ухудшаться. Есть еще один очень тревожный факт. Комитет по делам беженцев МВД ЧР почему-то проводил какие-то операции на территории Ингушетии, не согласовав с соответствующими структурами Ингушской Республики. Это сознательная провокация. Если сейчас между двумя братскими народами попытаются посеять конфронтацию, противопоставить их друг другу, это приведет к очень плачевным результатам. Такое совершенно недопустимо.

- Что в реальности происходит в лагерях беженцев на территории Ингушетии? Было ли применено насилие или же те, кто возвращаются, делают это добровольно? Какие выводы вы сделали во время одной из последних командировок, когда туда ездили с Эллой Памфиловой, председателем комиссии по правам человека при президенте?

- Смотря как понимать насилие? Надеть наручники, закинуть в машину и увезти? Такого не бы- ➤

ло. Но принуждение, психологический террор, фактически, были. Конечно, если нет опасности, ни один нормальный человек не будет жить в палатках, когда ему предлагают какой-никакой дом, как в ПВР-х (пунктах временного размещения). Там были бабушки, которые рассказывали о том, как они довольны, что вернулись. Это понятно. Но мужчинам там делать нечего. И если женщина знает, что завтра могут придти и убить ее сына, она будет противиться, как только может. Когда они об этом говорят, их называют скандалистами.

Нам рассказывали, как в Чечне спокойно, как хорошо там будут себя чувствовать вернувшиеся беженцы, а спустя час после того, как мы покинули здание администрации и правительства Республики, оно взлетело в воздух. Мы видели, как туда шли люди, как шли оттуда, видели тех, которые оказались под завалами, как их выносили. Все было у нас на глазах. Убеждать нас после этого в том, что в Грозном

безопасно?..

Сотрудники местной милиции жаловались на невозможность справиться с произволом федералов. Рассказывали, что они приезжают ночью пьяные, забирают кого угодно, грабят... Одна жительница ингушского лагеря «Сацита» рассказывала, как она поехала хоронить отца вместе со своим 17-летним сыном, а ночью в дом ворвались военные и расстреляли сына.

Вопрос стоит так: можно ли возвращать людей домой? Ответ на него отрицательный, поскольку безопасность гарантирована быть не может, в чем мы имели возможность убедиться. Кроме того, люди должны иметь выбор. Чтобы его обеспечить, нужна финансовая свобода, хотя бы минимальная. Нам все время твердят, что все деньги, которые попадают в Чечню, исчезают. Что-то, говорят, остается в пределах Садового кольца, что-то по дороге расходится, а что-то исчезает там. Словом, очевидно, что существует серьезная проблема их получения теми,

кому они предназначены. Но человек не может украсть у одного единственного существа: у самого себя. Мы считаем, что решением проблемы было бы постановление правительства, которое бы давало возможность получить адресную компенсацию за утраченное жилье и имущество. И при этом должна быть предоставлена возможность гражданам России, проживавшим постоянно в Чечне, обосноваться в любом субъекте России, чтобы там власти принимали их. Сегодня создалась совершенно патологическая ситуация: многие чеченцы пока еще чувствуют себя гражданами России, пусть даже загнанными, притесняемыми, но гражданами в гораздо большей степени, чем это чувствуют власти и население страны. Это может привести лишь к тому, что в конце концов не останется чеченца, который осознавал бы себя гражданином России и чувствовал бы связь со страной. Хотя на сегодняшний день еще есть культурная, образовательная, историческая и че- ➤

ловеческая связь. Потому что это ведь не такая ситуация, как, скажем, с Арменией и Азербайджаном. Мы постоянно находимся рядом с чеченцами, они работают здесь, в нашей организации, а в Чечне наши сотрудники работают. Мы этого разрыва не чувствуем. Но все большая часть населения начинает его ощущать.

Множество чеченцев в Тверской области, где люди жили более или менее компактно, потеряли работу после «Норд-Оста». Еще летом что-то у них начало налаживаться, кто-то устроился на строительные работы, еще куда-то. И вот после известных событий всех уволили. За что? На каком основании? Почему все чеченцы должны отвечать за то, что сделал Бараев? Хотя от всяких бараевских группировок больше всех пострадали сами чеченцы.

Знаете, когда говорят, что Россия не выдержит такого потока беженцев или сколько иностранцев может переварить такая-то область, это напоминает картину «Свинья под дубом». Никого не надо переваривать, эти люди работают, они платят налоги.

- Как Вы можете оценить деятельность представителя ПАСЕ лорда Джадда, не виртуальную, телевизионную, а реальную?

- Он и есть лорд. Он слишком воспитан для такой работы. Должна быть политическая отстраненность. Мне не нравилось, как Джад похлопывал Рогозина по плечу. Не по-лордовски это. Что в итоге дали эти неформальные отношения?

Страшная штука происходит: мировое сообщество, кажется, совсем одурело. Американский президент решил в Ираке повоевать, хотя большинство его же граждан не поддерживают его в этом. Ему захотелось и все. Это же безумие. Единицы принимают такие решения, и никто не может их остановить. Не слишком ли многие вещи сейчас повсюду решает «верхушка» вместо граждан? Это, по-моему, неестественно, власть должна быть ближе к своему народу, т.е. к тем, кому она призвана служить. Конечно, мне не нравилась холодная война, но и излишние нежности меня тоже настораживают. Считаю, что отно-

шения между руководителями стран должны быть более официальными. Они должны выполнять задачу управления. Это задача человека, нанятого на выполнение определенной работы, а не владельца.

- Но, ведь в России исторически сложилось именно так?

- Плохо сложилось. Почему появляются притязания на такую избранность?

А сейчас представление о сверхчеловеческих правах избранных набирает силу не только в России, но и по всему миру. Страшная тенденция. В первую очередь, конечно, это относится к России и Соединенным Штатам. Претендуют на то, чтобы вершить судьбы, решать кому жить, кому нет, какому Саддаму существовать, а какому нет... Никто не в восторге от Саддама Хусейна. Но, оказывается, несколько десятков тысяч иракцев, арабов, можно убить. Очень грустно, что люди не то что десяти заповедям не следуют, но даже одной: «Не убий!»

- Возвращаясь к ситуации с беженцами: насколько раскопана информация об их количестве с официальными данными?

- Настолько же, насколько и данные о переписи в Чечне. На самом деле многие беженцы, которых вынудили покинуть лагерь, рассосались кто куда. Кто в частном секторе, кто у родственников.

- Каковы позитивные и негативные моменты во взаимодействии правозащитных организаций с местными и федеральными структурами миграционной службы?

- С тех пор, как миграционная служба вошла в состав МВД, сотрудничество стало практически невозможным. Страшно тяжело. Такое положение дел отбрасывает назад. Бесконечные преобразования миграционной службы... Получается ситуация, при которой делаешь шаг вперед, два - назад. Вроде нашли понимание с бывшим руководителем миграционной службы Татьяной Регент. Кстати, они сознают, что мы выполняем их работу. Каламанов прекрасно понимал, что правозащитники работают за него.

- А очередной спецпредстави-

тель по правам человека в Чечне?..

- А что он? Он совершенно не занимается правами человека. Он занят своей политической карьерой.

- Вы понимаете, что правозащитники, сегодня в явном меньшинстве? Что по отношению к Вам, мягко говоря, недоброжелательно настроено не только чиновничество, но и разного рода группировки в обществе? Реально ли побороть такую ситуацию?

- Даже не приходится задавать этот вопрос. Бороться надо все равно.

Вот я получила по электронной почте злое письмо: «Вы ненавидите своих же русских, работаете против русских, заняли чеченскую сторону». Я, конечно, не стала отвечать, но я не взяла ничью сторону. Мы помогаем людям, нуждающимся в этом, их национальность меня не интересует. А то, что сейчас это в основном чеченцы, не от нас зависит.

Если бы у меня была только одна правозащитная организация «Мемориал», мое отчаяние было бы сильнее. Но, когда я вижу счастливые глаза матери, для сына которой удалось достать лекарства (говорили, что ребенок не сможет ходить и говорить, ему всего полтора года...), когда мы видим, что можем помочь людям!.. Мы нашли 800 долларов на лекарства для больной, по словам врачей, почти обреченной, (надежды был один процент). А через какое-то время она приходит к нам, молодая, цветущая женщина...

Еще случай. К нам привели беременную женщину, муж которой осужден. Ее отказывались принимать в больнице. Мы стали слать возмущенные письма в Минздрав, в комитет здравоохранения Москвы, настолько напугали всех, что врачи за ней потом сами ходили. Проходит время, мне приносят двухмесячного ребенка, кладут на стол и говорят: «Вот Ваша крестница!» Это и дает силы. Дает силы...

Жизнь продолжается, как бы это ни было тяжело. Мы должны помочь друг другу выжить.

Беседовал Абдулла ДУДУЕВ.

Исрапил ШОВХАЛОВ

Мы приехали в центр временного размещения с одной целью: рассказать своим читателям о том, что происходит в их стране с людьми, такими же, как они, но попавшими в страшную и затянувшуюся беду. Они перестали ощущать себя людьми... с правами и обязанностями... хотя бы перед своими детьми, отца перед семьей и т.д., об этом они расскажут сами. Но знайте и то, что этот ЦВР пытаются засекретить, запретив прессе встречаться с обреченными на выживание людьми, фотографировать их, делать съемки внутри здания, просто слушать их, отчаявшихся, и записывать этот крик души. Все, что вы прочтете на страницах нашего журнала, записано ночью, милиция не разрешает снимать, то ли охраняет беженцев от внешнего мира, то ли мир - от беженцев.

Читайте и делайте выводы сами. Господа Митрофанов, Rogozin или, скажем, Чубайс, просим вас заглянуть и в этот центр в Тверской области с по-русски романтическим названием «Серебряники», ну хотя бы в рамках очередного пиар-воаяжа накануне грядущих выборов!..

Редакция журнала обращается и к главам власти всех уровней в Тверской области: ваш долг - найти виновников трагедии людей, попавших под пресс миграционной службы. Каким бы ни был на сегодняшний день их статус, речь идет в конечном счете о россиянах...

«В СВОЕЙ СТРАНЕ

Магомед САИТОВ

- Здесь находятся в основном многодетные семьи. Люди просто нашли для своих детей какое ни на есть убежище. Условия невыносимые: ни питания, ни медицинской помощи, ни нормальной школы. Но все это люди вынуждены терпеть только из-за того, что хотят спасти своих детей. Дома, в Чечне, наши дети могут стать жертвами зачисток. Для кого сегодня является секретом, что российские военные 10-летних ребят причисляют к потенциальным боевикам? Среди нас есть женщины, старики, больные и инвалиды. Нас называют перемещенными лицами, лицами без статуса. Только десять человек среди нас являются работоспособными! Мы перестали быть гражданами!

Чечня в составе России, а чеченцы и русские, состоящие в браке с чеченцами, - «вынужденные переселенцы»! Кто сказал, что мы вправе

жить по человеческим законам, в человеческих условиях только на острове под названием «Чечня»? Миграционная служба Тверской области до сих пор не предоставила нам статус беженцев. Более того - принято дискриминационное решение: всем русским, находящимся здесь, с нами, выдали документы, подтверждающие статус вынужденных переселенцев, а нам, чеченцам, - отказали. Дело дошло до такого абсурда, что в смешанных семьях статус переселенца дали детям, записанным в паспорте русскими, а их же братьям и сестрам, записанным чеченцами, отказали. Или же мужу - чеченцу не дают статус, а его супруге дают. В миграционной службе нам объяснили, что чеченцы не подпадают под статус, так как нашей жизни не угрожала опасность, дескать, в опасности были только русские. Мы и не знали, что бомбы, оказывается, выбирают по национальному признаку...

Дети родителей, имеющих статус, подпадают под президентскую программу «Дети России». Дети Анголы, Китая, Вьетнама, пребывающие в России, могут считаться детьми этой страны, а мои дети, родившиеся в России, таких прав не имеют.

Нам давали раньше 15 рублей в сутки. Это спасало от голодной смерти, но и только. А с 15 августа

2002 года нам перестали выдавать и эти копейки.

Мы стали бить тревогу, метаться по всевозможным инстанциям. Как же так: только из-за того, что мы - чеченцы, нас лишили и этого несчастного пайка! Чего мы добились? Представьте себе: с довольствия сняли и русских!

Не всех, конечно... Мы стали жертвами политики двойного стандарта. Сейчас мы существуем во многом благодаря поддержке «Новой газеты». Помогают благотворительные организации: «Гражданское Содействие» Светланы Ганнушкиной, «Форум переселенческих организаций» Лидии Графовой, чеченская диаспора в Твери, Шамиль Хазрат из Московской Соборной мечети. Спасибо им всем! Спасибо Вячеславу Измайлову и Эльвире Горюхиной, всем тем, кто помогает им поддерживать нас и материально, и морально! Я рад, что могу сказать им через вас простое человеческое спасибо! Федеральная миграционная служба делает все, чтобы закрыть наш Центр и вернуть нас в Чечню. Этим же занимается и весь персонал пансионата. Идет целенаправленная травля чеченцев и русских, хотя ничего из этого не получится. Любые бытовые конфликты между нашими детьми, которым по 5-6 лет, пытаются использовать

против нас. Вплоть до того, что подключают к этому журналистов. Так, в некоторых местных газетах, например, пишут: «...чеченцы рожают и растят здесь детей, а ведь рядом находятся атомные станции. Чем это может завершиться?» Словом, чеченцы в России - униженные, преследуемые, бесправные люди. К нам относятся, как к людям, приехавшим отдыхать в санаторий, у которых закончились путевки. Показывают по телевизору чиновников из Чечни, те разглагольствуют о необходимости возвращения домой, о том, что гарантируют безопасность, но при этом их самих сопровождают несколько десятков до

войну продержусь там. Но соседи, чеченцы, предупредили, чтобы я вывезла из Чечни своих сыновей, пока не пришли ваххабиты...

В октябре 99-го, когда начались бомбежки, мы выехали. Но перед этим 13 дней просидели на трассе Ростов-Баку, под открытым небом, нас не пропускали через блок-пост! Мои сыновья прошли фильтрационный лагерь!.. Вся их вина была в том, что им 26, 21 и 18 лет!

Я приехала в Москву, к брату. У него в однокомнатной квартире своих пять человек. Обратилась в миграционную службу, и меня с сыновьями направили в это захолустье. Три

Я СЛОВНО...»

зубов вооруженных охранников, они трясутся в бронированных машинах. А что, жизнь наших детей не так важна?

Елена ГАВКИНА

- Родилась я в Грозном в 53-м году. Всю жизнь там прожила. Родила трех сыновей. Имела свой дом и квартиру. Началась перестройка, и, как и во многих республиках Союза, начались проблемы и у русского населения. Конечно, с теми чеченцами, с которыми мы всю жизнь прожили, у нас были прекрасные отношения. Но в семье не без урода. В 1993 году вооруженные люди в масках отобрали у нас квартиру и документы. Тем не менее мы как-то жили, пока не вспыхнула война. Я 30 лет проработала на госпредприятии, в связи. Было очень тяжело всю первую войну. Думала, что и вторую

года нас держали без всякой определенности. Кормили кое-как. Но мы привыкли жить с чеченцами, хорошо понимаем друг друга. С русскими нам сейчас намного тяжелее. О власти я и не говорю!.. За три года правительство о нас и не вспомнило.

Теперь нас из-за какого-то пайка разделили с чеченцами по национальному признаку!.. Нам дали статус, а им - нет. Нас признают вынужденными переселенцами, а их временно перемещенными лицами. Считают, что их родина там.

Сначала их лишили питания. Они возмутились, и власть приняла меры: теперь нас тоже не кормят. При этом идет давление со всех сторон, не понять, чего от нас хотят? Куда-то нас пихают на временное жилье по колхозам и совхозам. Почему я, имея 30-летний опыт работы инженера связи, должна коров доить? И сыновья у меня: один учился в институте, другой компьютерщик. Все трое контужены. Более того, я больна, у меня в голове и в легком осколок. Почему я, потеряв в Чечне все, здесь должна начать с нуля? Почему правительство не выплачивает компенсации за потерянное имущество и жилье? О возмещении морального вреда я и не говорю. Тогда мы сами себе купим дом или квартиру, где хотим. Может, опять же - на Кавказе.

Знаете, родина есть родина. Мы были людьми, а сделали нас, извините за выражение, - дерьмом.

Марха САИТОВА

- В первую войну мы не уезжали из Чечни. У нас пятеро детей. Трое с большим сердцем, один ребенок получил инвалидность, «подарок» от войны: девочка онемела от бомбовых ударов. Она только здесь, после лечения в санатории, начала говорить. Это какая должна быть мать, чтобы с такими детьми возвращаться на войну? Покажите мне такую мать! Дети до сих пор не могут отойти от ужасов, которых насмотрелись в Чечне. Рисуют бомбежки, зачистки... Четверых детей из пяти я вынуждена была, вопреки всем обычаям, отдать в детдом. Теперь я уравнилась, если от меня этого добивались, с теми русскими, у которых при живых родителях дети растут в детских домах.

Я в страшном сне не могла увидеть, что в свои сорок лет вынуждена буду отдать детей в детдом из-за того, что не в состоянии элементарно прокормить их, дать им образование. И это с высшим образованием и у меня, и у мужа, с хорошими профессиями!.. Я - врач! Работоспособный муж, хотя здоровье в последние годы сдает. Я хочу, чтобы мои дети, когда бы мы ни вернулись домой, через пять, десять лет, были образованными людьми и полезными своей земле.

Мы перестали мечтать. Все мечты убила война. Мы мечтаем, чтобы был мир на нашей земле, чтоб перестала литься кровь человеческая, чтобы я увидела своих родителей живыми, чтоб не слышали каждый день: «Убили», «Расстреляли», «Зачистили», «Пропал», «Оглох»...

За что нам все это?..

Лидия ДУДАЕВА

- Я уроженка Тверской области, русская. В далеком 1978 году, по распределению, уехала в Чечню работать учительницей. Там создавалась семья. Взрослая дочь у меня, ей 22 года. По воле судьбы, из-за второй уже войны, в 2000-м году мы попали сюда. Получается, я беженка на своей родине! У меня здесь не осталось наследства. Родители умерли давно. Нам с мужем и дочерью дали здесь статус, а зятю, он тоже чеченец - отказали. То есть полу-

чается, как на железнодорожном переезде: сидят и смотрят друг на друга. Сейчас нам предлагают временное жилье. А это жилье разве не временное? Оно так и называется, ЦВР - центр временного размещения.

И вообще, почему я, прожив 20 лет в столице республики, должна идти работать дояркой, свинаркой или пастухом? Имея диплом о высшем образовании, я, наверное, должна была бы быть востребована в своей стране в соответствии со своими способностями!..

В Чечне ко мне было больше уважения! 24 года я живу среди чеченцев. Я благодарна судьбе за то, что моя жизнь была связана с ними. Почему? Потому что очень многому хорошему в жизни я научилась только там. Главное, что там есть, - уважение к старшим, ведь даже просто одно слово старшего брата становится законом для брата младшего. Почему у чеченцев бывают здоровые семьи? Потому что девушки у них не имеют «вредных

привычек»...

В 1991 году я приняла Ислам. Я сделала это по зову своего сердца, поскольку должна идти со своим мужем до конца своих дней. Я боялась, что дочь не выучит чеченский язык. Но она даже выучилась читать и писать, хотя ее отец не пишет на родном языке. Теперь у нас две внучки, пяти и трех лет. Моя свекровь была для меня, как родная мать. Когда я впервые пришла к ней в дом, я сказала ей: «Если медведя в цирке учат кататься на велосипеде, то я, наверное, тоже чему-нибудь научусь. Я человек из другого мира, ничего не знаю, научите меня всему, согласно вашим обычаям...»

У нас жизнь сложилась очень хорошо. Если бы мне пришлось начать все сначала, пройти все испытания заново, я ни на минуту не задумываясь, выбрала бы именно этот путь!..

Выражаем благодарность за помощь в подготовке материала Мовлади Акуеву и Хамзату Дадаеву

Ю. СЭШИЛ

Чеченцы примериваются к Европе, а она присматривается к ним

Как жизнь поступает с человеком или человек с жизнью - вопрос большой философии, как говорили ушедшие, к сожалению, наши мудрые старики. Много меняется в жизни человека нежданно, не всегда по продуманному плану, желаемому сценарию. Жизнь часто ставит его перед фактом. Может, так она корректирует саму себя... Или это просто человеческая судьба, которая давно скорректирована, расписана по часам, годам... истории... географии...

Не подвластной времени является, наверное, для каждого из нас память о детстве. Маленький уголок на большой Земле, где родился... Дом, где вырос... Сказки,

взраставшие в нас первые завязи воображения... Врезавшиеся навсегда в память первые праздники... Улыбка старца, которого в детстве хватал за белую бороду, безрогий козлик с черными, как угольки, глазами, бросавшийся на нас, когда совершали первые самостоятельные разведки в отцовском дворе, и многое, многое другое, которое все вместе связано с одним именем - Родина...

И, когда звонят земляки из Москвы и спрашивают: «Ну, как там устроились? Как живут чеченцы в Европе?», первым приходит в голову то, что взрослые чеченцы живут в Европе детством, а дети - детскими проблемами: «Когда мы поедем домой?», «Когда война про-

клятая кончится?». «Когда?..» - «Жди, сынок, все ждем». Этот диалог слышишь каждый раз, посещая земляков. Взрослые снова и снова, повторяясь, пересказывают друг другу свое детство: как учились... куда ходили... какую большую форель поймали в аульской речке... как вкусно готовили их матери...

Неисчерпаемой темой являются, конечно, причины, по которым оказались в Европе... Бесконечные, обычно бестолковые, сумбурные и нервные споры о том, кто привел... что привело... Характерный для всех эмигрантов мира поиск виновных... проклятия в их адрес, их бесконечно длинный и каждым составленный собственный список...

И здесь, как и дома, в Чечне, у многих полярные мнения, мнения противоположные позиции...

Есть те, которые что-то поняли, осмыслили, переосмыслили, а большинство, как и положено большинству, ничего не понимает...

Сначала хотел выдержать в какой-то степени оптимистический тон...

Ведь в Москве, наверное, интересуются не этой «философией». Просто земляки хотят знать: много ли чеченцев в Европе, как к ним здесь относятся, кто как устроился, дается ли иностранный язык, трудно ли общаться с европейцами? Еще нужна, может быть, какая-то статистика, цифры, имена. Вполне резонные вопросы.

А у того, кто должен с этой стороны им ответить на них, миллион вопросов своих, самый главный из которых: «Когда кончится проклятая?..»

Если же попытаться ответить на перечисленные вопросы последовательно, с усердием аккуратного ученика четвертого класса, - чеченцев в Европе много. Это, конечно, с оговоркой, что чеченцев и на всем свете не так много. Правда, последняя

война и перепись, проведенная в ходе ее же, сулят чеченцам хорошие демографические перспективы: что продлится война еще на несколько лет, она, видать, поднимет их численность миллионов до двух, а то и трех. Чеченцы, известно, народ с фантазией, любят говорить о вещах, касающихся их, в эпитетах превосходных степеней, но даже это преувеличенное воображение до сих пор не догадывалось, что, чем дольше война, тем больше народу становится! Статистика переписи и статистика свежих могил на родной земле привела бы их воображение в тупик. С одной стороны вроде бы и лестно, что другие народы при войнах несут только потери, а мы, чеченцы (!) наоборот, растем на войне, как грибы после дождя... Если бы не смущали эти самые холмики...

В свете такой статистики остановимся, наверное, на том, что и в Европе чеченцев много, что они растут и численно, и по другим пара-

метрам. Еще больше чеченцев выходит, если учесть и тех, кто, как здесь говорят, «сдался под чеченца». Словом, в нашем полку, не смотря ни на что, все прибывает и прибывает... Рекордным будет, видимо, скоро число чеченцев, владеющих европейскими языками: английским, французским, немецким, голландским, норвежским, датским, испанским, итальянским, турецким... (А, может, рекорд уже поставлен и занесен в книгу рекордов Гиннеса?) Данных по Африке совсем не имею. Не упомянул здесь польский и чешский, поскольку на этих языках, владея русским, они начинают говорить

Чеченские беженцы в Бельгии.

через месяц-два. Да, особых проблем с языками у чеченцев в Европе нет, разве что в течение первых месяцев... Это связано, наверное, с тем, что ни в одном из этих языков нет звука, который чеченец не мог бы повторить так же, как и тот, которому этот язык родной. Поэтому в Европе чеченцы даже удивляют преподавателей курсов лингвистическими способностями. Более того, они находят массу слов чеченского языка в языках европейских, чем тоже удивляют местных, а сами гордятся. Женщины почему-то усваивают язык быстрее. Многие из них, которым я объяснял, как по-французски сказать «до свидания», сегодня многое объясняют мне. Но, как и положено, каждая медаль имеет обратную сторону. Дети чеченцев как быстро осваивают местный язык, так же легко забывают родной. Знаю множество наших детей, которые учатся лучше, чем местные отличники. У Си-ражди три девочки. За два года ос-

воили: английский, французский, нидерландский и служат отцу ходячими словарями и энциклопедиями. Младшая побывала во всех европейских странах, на конкурсах и т. д. Ее возят в качестве «вундеркинда». Живут они в совсем маленьком городке, по нашим понятиям, в селе. Такие примеры можно бы приводить и приводить, мне не все известны, но даже они заняли бы много места. Жить в Европе, общаться, дружить для чеченцев не проблема, их драма связана с Домом, Чечней, и этим омрачено все остальное. В бытовом, поведенческом смысле им не трудно, они европейцы по своей природе, струк-

туре своей психологии, интересам. Утверждал это, еще ни разу не побывав в Европе, сейчас вижу все это, так сказать, на практике. Тут вспомнилось, что многим европейцам нравится чеченская кухня, особенно «ч1епалгаш», «хингалаш». Некоторые европейцы при каких-то своих важных событиях приглашают чеченских женщин готовить обед. И женщины хорошо зарабатывают. Насколько знаю, молодежь всех возрастов учится в шко-

лах, на курсах, в колледжах, институтах, университетах. Несколько ребят окончили Кембриджский университет, знаменитую Сорбонну, Оксфорд. Знаю Дауда, великолепно говорящего на семи языках, вместе с русским и чеченским. Работают несколько чеченцев и преподавателями в вузах, в научных лабораториях. Один наш художник преподает в художественной школе или академии, точно не могу сказать, в Голландии - на родине Рубенса и Ван-Гога. Брат его, тоже художник, выставляется в Германии. Так что можно сказать, что чеченцы тоже учат европейцев кое-чему. Врачами в больницах работают, знаю. Жена моего знакомого Яха, в прошлом учительница, здесь, так сказать, поменяла ампулу, стала, по выражению ее патрона, «супер-сварщиком». Много зарабатывает. Довольный муж подтрунивает над ней: «В миллионеры метит, буржуйка!» Леме за сорок, учится на программиста. »

Другой Лема работает у фермера, поставил на ход всю его старую, по здешним понятиям, технику. Хозяин - в восторге, даже кофе не пьет без своего работника. Нескольким человеком, знаю, работают шоферами, на техстанциях.

Не работающих все же больше. Один из них - автор этого изложения. В Европе на труд конкуренция, известно, большая. Но всем созданы условия выучиться специальности, подтвердить свой диплом. Нескольких математиков знаю, программистов, от которых местные специалисты, говорят, в восторге. Программисты в Европе желанные люди. В Европу сбежался весь мир.

В Брюсселе, скажем, больше иностранцев, чем бельгийцев. Но за все это время не видел, чтобы полицейские у метро проверяли документы у лиц... «не бельгийской национальности». Не слышал, чтобы бельгиец не то чтобы словом - взглядом выразил свое недовольство или бросил: «Понаехали тут!..» в адрес какого-нибудь иностранца: чернокожего, косовца, индуса, китайца, чеченца, армянина... Европейец знает, что отрицательные эмоции вредны для его здоровья. Поэтому он больше улыбается. Приветливо здоровается. Если занят, говорит, что занят... Кстати, в Европе много армян, грузин. Русских, наверное, больше всех. Я даже пытался

сочинить каламбур: «Брюссель совсем обрусел», но мягкий знак в окончании названия города портит все дело. Понятно, что многие русские и чеченцы дружат, общаются. Экссессов типа тех, что каждый день видишь на московских рынках, здесь не встретишь, хотя «Восток» кричит здесь на рынках так, что слышно, наверное, на другом краю Запада. Европейцы действительно гуманны - это входит в их воспитание, как один из элементов... Они удивительно толерантный, интеллигентный народ. Даже когда видят, что некоторые иностранцы прямо на улице справляют малую нужду, говорят: «Lotr Kultur» - другая культура. Легенда о том, что «мы самые грамотные,

духовные» и т. д., оказалась и впрямь легендой. Европейцы грамотны. Здесь интеллект - действительно интеллект, а не жонглер фразы. У европейцев нет словоблудия, лишних слов. Европейец-специалист знает все, что он должен знать. Не будет сведущ - никто не станет платить ему зарплату за чтение Льва Толстого и хранение в памяти анекдотов «от Ромула до наших дней». Это дело уже личное. И все же все, с кем я здесь разговаривал, Толстого читали, Чехова любили, хотя Солженицына не помнят, как забыли уже и «холодную войну», которая сделала его великим... Европейец рационален. Он ценит

свое время, здоровье, бережет свои деньги и на чужие не покушается. Им некогда. Они очень заняты. Они знают цену времени. Оно у них расписано на целый год, а может, даже на всю предполагаемую жизнь. Раньше никогда не думал, что европейцы такие трудолюбивые, а как мне и положено было, считал их эксплуататорами трудящихся. А они, оказывается, все трудящиеся: миллионер работает рядом с нанятым им рабочим, и - больше этого рабочего. Я когда-то считал самыми трудолюбивыми кавказцев, людей из Средней Азии. Оказывается, ошибался: мы были и есть просто лентяи. То, что голландец вырастит на совершенно, на первый взгляд, ни к чему не при-

годной земле, вряд ли вырастит и лаборатория московской сельхозакадемии. У них растет все. Не просто растет, а растет товарно, делает хозяина, классово выражаясь, кулаком. Чечня, известно, география южных широт, но никогда не видел там таких крупных яблок, что выращивают в столь северной Бельгии, о Франции и речь не ведем. И стоят эти яблоки дешевле, чем в той же Чечне. Никогда не увидишь европейцев, ни старых, ни молодых, сидящими во дворах и бьющими, как на Руси говорят, баклуши. Работают. Поэтому живут хорошо. Не воюют. Не воруют. Этим у них занимаются приезжие и вряд ли от этого станут богатыми.

Когда-то слышалось: «Мы от Европы отстаем на несколько сот лет...». Это неправда. От Европы мы отстаем на Историю, Психологию - на Вечность... Это, конечно, не дифирамб Европе, (и нуждается ли она в нем?), скорее от зависти к ней, потому что в человеке «с той стороны» - бывшем строителе светлого будущего - зависть осела, видимо, навсегда. Словом, «на той стороне» надо не только «учиться, учиться и еще раз учиться», но и работать, работать и еще раз работать. Кстати, взятое в кавычки было сказано человеком, который провел значительное время своей революционной деятельности

здесь же, в Европе. Создал ли труд обезьяну, другой вопрос, до сих пор даже спорный, - а вот что Европу создал труд - это сомнению не подлежит. «На той стороне» работать надо не для того, чтобы «догнать и обогнать», что, может, не произойдет никогда, а чтобы по-человечески жить. Воровать и воевать - не будущее строить!..

Познакомился с одним старым украинцем, который во время войны подростком был увезен в Германию. После переехал в Бельгию, работал шахтером. Сегодня - миллионер. Дети - крупные деловые люди: архитекторы, строители... Говорит, что на Украине все были бы миллионерами, если бы работали и власть у них была »

бы, как в Бельгии. Здесь власть и чиновники у вас ничего не вымогают. Сами соблюдают законы и от вас хотят того же. Политики Европы, как и политики всего мира, тоже, конечно, врут. Но делают это умеренно, не завираясь, нет хлестаковщины... Они доступны своим избирателям и, кажется, относятся к ним с уважением, даже побаиваются их.

Чеченцев, да и всех бывших советских, Европа активизировала, подтянула, если так можно выразиться. На многое открыла глаза. Европа человека уважает, считается с ним, учит его, знает ему цену. Возможно, она делает это не бескорыстно. Она знает, что только от полноценного человека можно получить максимальную производственную отдачу. И она эту отдачу получает и полноценно за нее платит. Вначале приезжих все это удивляет, даже ошеломляет, но потом к этому привыкают, как и к мысли, что они тоже нормальные люди... и со временем могут стать европейцами...

Каким-то «эпидемическим» явлением среди чеченской молодежи здесь стала женитьба. Происходит это буквально повсеместно. Думается, это инстинкт - подсознательный страх потерять свою идентичность. Случаев женитьбы наших джигитов на европейских женщинах не знаю, но это не значит, конечно, что такого здесь не

было. Просто я, наверное, об этом не знаю. Чеченцы и дома не боялись жениться на иностранках. Но здесь все же чувствуется обостренное желание создать свою, чеченскую семью. Если не повальным, то заметным явлением можно считать и увлечение молодежи спортом. Собственно, такое увлечение было и дома. Занимаются спортом и малые дети, и подростки, и, конечно, совершеннолетние. Кстати, девочки тоже. Одна заняла даже какое-то место, правда, не помню какое. Успехи очевидны. У многих на видном месте в квартирах стоят кубки, висят медали. В городе Льеже в одном доме видел целую такую коллекцию. Конечно, уже и чемпионы есть. Сын знакомого Соты стал чемпионом. Но самые главные успехи, думается, впереди. Условия для занятий спортом здесь превосходные. Небольшой городишка Вивьерс, в котором чеченцев, проживающих компактно, больше, чем в других городах, называют «Спортивным городком». Там, говорят, спортом занимаются все, так сказать, - отцы и дети...

Несколько наших здесь умерли. Одних временно похоронили тут, кого-то сразу смогли увезти домой. Могилы здесь чистые, ухоженные, даже красивые. Если могилы вообще можно назвать красивыми. Недостаток один: чужие... Но к этому, наверное, привыкнут,

если война затянется. Хотя знакомо чеченцам и это. Много наших могил в Казахстане, Киргизии... Сибири... Шлиссельбургской крепости... Турции... Иордании... Ираке... Сирии - всюду, куда приводила их та же дорога, что привела сегодня в Европу...

Появилось тут у чеченцев и обостренное чувство к своей культуре, дома на этом не так заостряется внимание. Каждый пытается сохранить ее крупницы. Собирают фольклор, пишут научные труды на родном языке. Составляются чеченско-французский, чеченско-английский, чеченско-немецкий и т. д. словари. Один из словарей составил даже я. Создан прекрасный детский танцевальный ансамбль, в который желали бы поступить все дети. Как и положено в таких случаях, поются уже эмигрантские песни, кто-то что-то пишет... написал... Интеллигенция пытается объединиться в какие-то клубы, создаются национальные культурные центры, печатные органы...

Эпидемия создавать партии, фонды, ассоциации и прочие институты коснулась и нас. Ведется определенная работа и в этих направлениях, говоря старым советским языком...

Словом, чеченцы примериваются к Европе, а она к ним присматривается...

Тоне ТИНГСГОР
Депутат Парламента Швеции

В Швеции около ста национальностей. Их представителям обеспечены гарантии обучения на родном языке с детского сада. Люди имеют возможность изучать свой язык за счет государства. Но реализация гарантий зависит от наличия учителей. В крупных городах нет особых проблем с этим, но в провинциях все сложнее.

Они могут издавать свои газеты, хотя с этим существует двойная проблема. Первая - там много национальных групп, очень небольших по количеству, у которых не хватает людей, пишущих на родном языке. Вторая - финансирование. Государство им этого не может обеспечить.

Абдулла ДУДУЕВ

Перестроечная волна в конце 80-х, начале 90-х годов вынесла на политическую авансцену страны целую когорту политиков, многие из которых порой, казалось, сами не понимали, где и как они очутились. Поэтому вскоре они оказались на задворках общественной жизни.

Но был один политик, которого связывало с ними только историческое время.

Григорий Явлинский – единственный из поколения политиков 90-х, который продолжает и сегодня вести политически полноценную жизнь, не утратил свой человеческий и профессиональный ресурс. Он – единственный, кто нашел в себе мужество осенью 99-го года не встать в очередь, в которой, боясь опоздать, каждый спешил пройти всеобщую вакцинацию от принципов демократии и свободы, патриархами которых они называли себя еще вчера. Они избавлялись от каких бы то ни было принципов вообще.

Явлинский не встал в этот позорный строй потому, что демократия, права и свобода личности, благосостояние граждан для него не пустая декларация идей, а принципы и убеждения, дело его жизни, которому он посвятил себя всецело. Как человек последовательный и не конъюнктурный, он абсолютно свободен от диктата всеильного Господина Пиара. Того самого пиара, который так много определяет сегодня в нашей жизни.

Об этом и не только... мы говорили с Григорием Явлинским.

«Вся позитивная политика в России – соревнование со временем»

- Григорий Алексеевич, какие у вас ощущения от того, что сегодня происходит в мире?

- У меня такое ощущение, что много тысяч лет в мире происходит одно и то же.

Мир вообще-то мало меняется. Меняются средства связи, транспорта, средства уничтожения людей, меняется продолжительность жизни благодаря науке, медицине. А отношения людей практически не меняются, к сожалению.

Либо меняются очень мало.

- Почему?

- Было такое впечатление, что после второй мировой войны удалось создать что-то новое и теперь люди будут жить иначе: с пониманием ценности всякой человеческой жизни, с уважением к человеческому достоинству, осознают наконец, что такое совесть, ответственность. А вот сменилось поколение политиков, ушел страх перед Советским Союзом, и оказалось, что огромное, подавляющее большинство полити-

ков, похоже на средневековых. Они готовы затевать крестовые походы, если им так хочется, они не знают, что делать с тоталитарными режимами. Прежде всего они не знают этого потому, что неискренни по отношению к самим режимам. Они могут провозглашать принципы демократии и сотрудничать с этими режимами, могут объявлять тоталитарные режимы хорошими, если это им выгодно. Они готовы снабжать Северную Корею продовольствием, потому что у них есть там две ядерные ракеты, и в то же время нападать на какие-то другие страны, у которых, как им кажется, этих двух ракет нет. К сожалению, если взглянуть с этой точки зрения, нужно сказать, что к XXI веку человечество пришло примерно в то же состояние, в котором оно было и раньше, только с другими техническими средствами. Вроде бы все давным-давно знают десять заповедей, но почему-то человечество не приближается к ним. Или еще рано и по-

надобится больше времени. Наверное, это связано с особенностями воспитания, образования, природы человеческой. Я не могу ответить на все вопросы, но убежден, что к этому надо стремиться. Одно я действительно знаю: наперекор любому пессимизму надо сохранять оптимизм воли, даже когда вы понимаете, что все оно так. Только таким образом можно определить, что можно сделать реально хорошего. Если вы стремитесь к невозможному, то можете определить, что возможно, а что нет. А если вы говорите, что политика – это искусство возможного, значит, вы струсил с самого начала. Был такой президент, который повторял это каждую минуту. Но это была просто ширма, за которую он готов был прятаться, чтобы не делать то, что было не только возможным, но и необходимым.

- Вы определили для себя, что возможно, а что нет?

- Возможно довольно долго стараться быть порядочным чело- ➤

веком, возможно найти людей, которые не корыстны, не алчны, возможно говорить правду и не обманывать своих избирателей.

- А что значит «довольно долго»?

- Я сказал «довольно долго», потому что я же еще не умер! Поскольку это так, я не знаю, как долго можно быть порядочным. Надеюсь, что я не без успеха стараюсь быть порядочным человеком, но за две минуты до смерти я Вам скажу, что это было возможно столько-то лет. А раз я не собираюсь умереть через две минуты, я не знаю, удастся ли быть порядочным человеком еще. В России этого никто не знает. Заранее.

- Как на Ваш взгляд развивается политическая жизнь в стране?

- Она никак не развивается... Если сравнить динамику того, что развивается, и того, что деградирует, деградирует быстрее, чем развивается. Вся позитивная политика в России – это соревнование со временем. Не с Ельциным, не с Югановым, не с Путиным – проблема не с ними. Вопрос, что победит: процессы распада или созидательные процессы, которые идут им навстречу. Мы соревнуемся одновременно с временем и пространством. Пространство составляет тысячу лет. Тысячу лет в России не было партий, тысячу лет в России не было свободы, права говорить то, что думаешь, толерантности, тысячу лет в России не было ответственности за себя. И в этом пространстве тысячелетнем вы вдруг пытаетесь выращивать такие странные фрукты. Гете говорил: «Если не можешь полить всю страну во время засухи, то поливай свой садик». Поэтому локальное до некоторой степени в наших руках, глобальное – в Божьих. Но всегда есть ответственность того или иного масштаба, если тебе дано ощущение этой ответственности, то ему надо следовать.

- Как вы думаете, почему Европейское сообщество, по сути, столь безразлично к происходящему в Чечне?

- Оно безразлично, во-первых, потому, что оно беспомощно. Во-вторых, потому что оно комфортабельно. Безразличны они, потому что не знают, как быть с Ираком...

Признание Европой референдума означало бы ожесточить борьбу, не-

признание – тоже. Кстати, на этом примере можно сказать, как Россия умудряется завести в совершенный тупик европейское сообщество, правда, этому способствуют бессмысленные действия самого сообщества. Им бы немного смелости и не быть жадными, можно было бы прислать тысячу наблюдателей, на каждый избирательный участок по два, и все. Проголосуют – проголосуют, не проголосуют – не проголосуют: как было бы, так бы и зафиксировали. Если бы они на это пошли, многое было бы яснее. Приезжал Роблес (Альваро Хиль-Роблес – комиссар Совета Европы по правам человека – А.Д.)... и что этому бедняжке Хиль-Роблесу было делать?

Он может быть и хочет помочь, но сделать ничего не может. Товарищ Джадд за него все сделал. А так, приедут три хиль-роблеса, сядут где-нибудь, попьют пива и все. Ведь им как кажется? Им кажется, если на данном участке идет минометный обстрел, но с перерывами, значит, голосование проходит нормально. А если обстрел идет без перерыва, то они напишут отдельные замеча-

ния. Возвращаясь же к теме референдума, могу, все-таки, сказать, что, если в результате опубликования данных будет хоть какое-то спокойное время, хотя бы относительно спокойное, если центр не забудет о взятых на себя обязательствах, пусть даже минимального социального характера, то можно будет говорить, что для ситуации, характерной отчуждением власти и общества, мероприятие можно считать принесшим свою пользу. В долгосрочной же перспективе, мы убеждены, надо будет решать вопросы гораздо более глубокой природы. Долгосрочные задачи могут решать лишь люди, пользующиеся доверием.

Я раньше думал: начнется конвергенция, и постепенно Советский Союз станет как Запад. Но вышло так, что, когда нача-

лась конвергенция, Запад начал становиться, как Советский Союз. То есть конвергенция, как говорил Сахаров, происходит, только он-то предполагал, что все будет наоборот...

- А как же быть с западными ценностями, являющимися как бы образцом общечеловеческих?

- Ценности, скажем так, хранят в сейфе! Они не на каждый день. Ценности – только по большим праздникам. Когда встречаются президенты, они щеголяют друг перед другом и говорят: «Вот наши ценности!» Но это же не для повседневного потребления.

Когда ПАСЕ говорило, что России надо «поставить на вид» за то, ➤

что она безумствует в Чечне, на следующий день Совет Министров Европы говорил: «Вы не слушайте нашу Европейскую Думу, это болтуны там сидят, но мы практические люди, мы знаем «Reele polytique».

Ценности эти другие примут только в том случае, если вы их используете для себя. Тут как с воспитанием детей. Дети его воспринимают тогда, когда родители ведут себя соответствующим образом. А если родители хранят свои ценности в сейфе, то дети вырастают без этого и не верят в них...

На самом деле в Чечне очень долгие годы происходит страшная вещь – там творится горе сотен тысяч людей. Много, очень многое безвозвратно уничтожено. Это огромная беда для всех. Я очень, очень сожалею об этом.

- Есть ли в российском обществе силы, которые могли бы хоть как-то повлиять на эту ситуацию?

- Общество в очень сложном состоянии, где уже ему на ситуацию влиять. Да и после того, что случилось на Дубровке, есть опасение, что если возможны какие-то влияния, то не ясно в какую сторону они способны обернуться. Но есть другая вещь - фактор атмосферы, надо влиять на атмосферу, дать возможность этой ситуации все-таки исчерпаться. Вот чем надо заниматься, сколько бы времени это ни отнимало. К сожалению, советское и постсоветское чиновничество, переполненное всевозможными амбициями: имперскими, провинциальными, локальными, не понимает (кстати, как и европейское чиновничество, которое тоже перестало понимать) такой вещи, как фактор нравственной и политической атмосферы. Поскольку в политике, в принципе, существует практицизм, повлиять на ситуацию крайне сложно. Глобально утрачено искусство изменения атмосферы. Но тем не менее единственное, что остается делать, - пытаться понимать природу происходящего и говорить о ней, и делать так, чтобы атмосфера становилась более мирной, не столь накаленной и менее склонной к взрывам. И, конечно, помогать людям, искать практические возможности...

Вячеслав Измайлов - один из немногих офицеров в российской армии, так и не сумевший сделать военную карьеру в самое «звездное» для военных время...

Приехав однажды добровольно на войну из теплого, уютного кабинета военкома, он сумел сохранить свое звание майора как высшую офицерскую доблесть и честь. За две войны, на которых ковались головокругительные карьеры и дождем сыпались высокие награды, единственная звезда на его погонах приобрела блеск золотой звезды Героя страны, так и не научившейся ценить человека за спасение жизни своих граждан...

Сотни спасенных им жизней российских военнопленных, сотни мирных жителей, спасенных от голодной смерти, остались незамеченными властью, продолжающей вести в Чечне политику, априори ведущую в тупик...

Два просвета на его погонах были единственными просветами, которые позволяли чеченцам искать в российской армии следы своих «пропавших без вести», «зачищенных» родных и близких... И он шел им навстречу открыто, без страха за свою жизнь, за свою безопасность...

Его отправили в запас именно тогда, когда его редкий опыт общения с «противником» был всего необходимее... И он ушел. Не оглядываясь... Не сожалея...

Потому что для него все началось не сегодня, а еще тогда...

«Два брата моего отца погибли 18-летними в Великую Отечественную. Эти люди и есть для меня армия...»

Мария Бланд:

это должно было стать интервью, но буквально с первых слов стало понятно, что не надо мешать ему высказаться. Предлагаю и вам послушать этот монолог русского офицера.

Я 27 лет служил в армии. Прошел Афганистан. Никогда не был журналистом. В Афганистане я был заместителем командира отдельного батальона, а в Чечне - офицером Управления 205-й бригады. Кроме трех лет, что проработал в военкомате, все остальное время я служил в боевых частях. (Да и в военкомат попал случайно, когда нас вывели из Гер-

мании и расформировали). У меня, кстати, отец был пограничником, в 45 лет умер. Я его возраст уже пережил.

А его братья оба погибли на войне восемнадцатилетними. Вот что значит для меня армия!..

После Афганистана я переменился. Научился сразу отделять себя от других. Когда я в Афганистане увидел, как гибнут наши

Фото из архива «Новой газеты»

солдаты, для меня главным стало не «выполнить приказ любой ценой», а сохранить жизни людей. Особенно когда я видел этот бардак в нашей армии... Я не сразу пришел к этому. Но в определенный момент пришел, и мне стало наплевать на... Пройдя Афганистан (более двух с лишним лет!), я не имел никаких наград - одни взывания.

Там я получил строгий выговор с занесением в учетную карточку. После Афганистана никто не возвращался без наград. Все имели. Иначе - чем ты там занимался? А меня хотели исключить из партии, но пожалели, ограничились строгим выговором... Потому что для меня главное было - солдат. С другой стороны, если бы подчиненный мне солдат что-то допустил и в отношении мирного населения, я бы ни на что не посмотрел.

Но, будучи зам. командира батальона, я был «зверь» с подчиненными офицерами, не допускал,

чтобы солдат обижали.

Все говорили, что есть такой замполит батальона... Я при Громе и Родионове служил, при трех командующих... На каждом военном совете (1985-1987 г.г.) начинали с того, что говорили обо мне: в таком-то батальоне есть замполит Измайлов, который вместо того, чтобы воспитывать солдат, избивает их, издевается... Такие вещи говорили обо мне. И хотя я был представлен к наградам, все представления вернулись обратно... В конце концов я совершенно случайно получил орден, к которому там был представлен трижды, а получил только в прошлом году в феврале.

Зам. министра обороны здесь, в редакции, вручил мне орден, которым я был награжден 15 лет назад; они говорили, что не знали, как мне его вручить.

Я в Армии был, а не где-то, чтобы меня трудно было найти!..

- Почему боевой орден министерства обороны вручает своему офицеру в редакции, а не в торжественной обстановке, как положено чествовать стране своего героя?

- Тот человек, генерал-полковник Азаров, отличается редкой порядочностью. Он не раз хотел мне помочь: пригласить на полковничью должность в штаб СНГ и прочее, прочее...

Мне не хотелось, чтобы у него были неприятности, потому что у меня в это время был конфликт с Квашниным в Чечне. А свою судьбу я уже решил... Для меня все это было уже настолько не главным... Сергей Говорухин подготовил документы на меня, представление к какому-то ордену за Чечню, но я сказал, что этого ни в коем случае делать нельзя: для меня это позор - получить награду... Ладно, спустя 15 лет - за Афганистан. И то я ее никогда не надену. А в этой войне

получить что-то, пусть даже за освобождение людей... Зная, сколько крови за этим стоит!..

Многие чеченцы, с кем я работал, могут на меня обижаться, потому что я не только к своим был беспощаден... У меня были конфликты с тем же Шамановым...

Да такие, что Шаманов отдавал приказ меня расстрелять. Разведчикам. А конфликтом с Квашниным я могу гордиться. Начальник генштаба не какими-то генералами занимался, а нашел майора... Приказал никуда меня не пускать. После первой войны в Чечне и до 1998 года я как бы служил. Полтора года был за штатом, меня держали в 27-й бригаде, куда я приходил только за зарплатой. Такого офицера, который не ходил на службу, кроме меня, в армии не было...

Помню: был второй этап выборов Ельцина, 3 июля 1996 года. В этот день Квашнин захотел поехать в Грозненскую церковь и отвезти туда по мешку риса, муки и сахара. Я должен был его сопровождать. В отличии от наших идиотов, которые год-полтора прослужили в Грозном, а города не знали, я там хорошо ориентировался. Не потому, что я родом с Дагестана...

Я военный человек и обязан знать местность. Дают мне отряды, БМП в сопровождение, взвод солдат... Я говорю Квашнину (он тогда был командующим войсками Северо-Кавказского военного округа), что, если мы такой колонной поведем, с нами будет то же, что с Романовым...

Предложил поехать на одном «Уазике». Надо отдать ему должное: что касается его личного мужества, здесь вопросов нет. Прихватили мы еще ящик шампанского и выехали из Ханкалы.

После этой поездки я был для него первым человеком. Потом обо мне стали говорить всякие гадости. И наши отношения не просто испортились...

А конфликт с Шамановым произошел сразу же после выборов. До этого народу говорили, что война закончилась, что все будет нормально... А тут Тихомиров выступает с ультиматумом, наши войска идут на Гехи и Махкеты. Гибнут мирные жители. Возле дома

правительства ко мне подходит пожилой, совершенно седой человек. Он оказался директором школы №3 селения Гехи. «Я говорит он, - всю жизнь учил детей добру. Ко мне в дом пришли военные. Спрашивают: «Мужчины есть в доме?» Я говорю: «Только дети». И они начали стрелять. Тяжело ранили сына и дочь.»

Нас обступили другие пострадавшие. Просят: «Помоги, если можешь!..»

В Центризбиркоме был московский телефон, я позвонил редактору, позвонил Саше Любимову. Попросил его прислать ребят с камерами, чтобы снять жертвы среди мирного населения в Гехи. И Дима Муратов, и Саша прислали по два человека. Местные ребята, чеченцы, попросили меня снять военную форму, чтобы не убили в селе, где только что прошли федералы. Я отказался снять форму, так как свои погоны я ничем не опозорил. Они согласились, увидев, как я на их глазах вытащил из пистолета все патроны, оставив только один... А автомат я никогда не носил.

По программе «Взгляд» Любимов тогда же и показал все, что мы там в тот день отсняли: сожженную мечеть, разрушенную школу, тела детей... Все это пошло по первой программе...

В пятницу. А на следующий день меня вызывает Шаманов. Он тогда был командующим группировками министерства обороны. А Тихомиров был командующим объединенной группировки, но он был в отпуске. Единственный, кто ко мне хорошо относился там, это был генерал Тихомиров. Пошел я к Шаманову. Сидят в кабинете с ним три его заместителя. Он мне при них говорит: «Я тебя посажу в яму и закопаю». - «Вы здесь бездарно два года воюете, - ответил я ему нагло, - и вас бьют. Потому что вы бездарны! Да я пять раз пройдусь вокруг Грозного, и вы меня не тронете!» Меня на Ханкале каждый знал: то солдатам кушать не дают, то офицерам зарплату не дают; приходилось помогать контрактникам... Они все ко мне бегали. Когда я это все Шаманову сказал, он меня сначала выгнал из кабинета. Потом позвал назад и спрашивает: «Ты здесь себя так нагло ведешь.

У тебя что, начальника нет? Некому над тобой командовать? Теперь, - говорит, - я тебе буду ставить задачи, а ты будешь каждый день мне докладывать».

Я вышел, зная, что он больше меня не увидит. Когда меня вызывали к нему на доклад, я находил разные причины, чтобы не появляться у него. Пять дней он меня искал. И наконец около столовой поймал. Подзывает к себе и спрашивает, почему я от него прячусь. Я ответил, что это его охрана меня к нему не подпускает. Он подзывает двоих из личной охраны и говорит: «Этого хитрого майора пускать ко мне в любое время дня и ночи.»

Я решил, что больше не попадусь в его поле зрения. В этот же день, вечером, меня вызывает его заместитель Сидоренко Владимир Иванович. Этому человеку я обязан жизнью. Он мне тогда сказал: «Слава, тебе нужно отсюда уехать, из Грозного». Я сказал, что не могу, ведь я офицер 205-й бригады. Он стал настаивать, чтобы я хотя бы не покидал территорию аэропорта «Северный», так как Шаманов в его присутствии отдал приказ разведчикам меня ликвидировать. Это было 27 июля 1996 года. Увидев меня возле столовой, он говорит: «Иди скорей в общежитие, тебе туда принесут покушать. Ты не понимаешь, как это серьезно!» Я вернулся в свою комнату, лежу на кровати и думаю: «Если зам. Шаманова мне такие вещи говорит, зачем тогда я здесь нахожусь? Для чего?..»

Если чеченец, чтобы отомстить за своего убитого ребенка, придет в Грозный, чтобы меня, русского офицера, убить, я должен буду опередить этого несчастного отца, если хочу выжить.

С другой стороны, если русский офицер, у которого дома - жена, дети..., выполняя приказ Шаманова, будет в меня стрелять, я должен выстрелить первым, чтобы опередить...

А я никого не хочу убивать: ни чеченца, ни русского... Зачем мне тогда оружие?..»

На следующее утро я пошел на склад, сдал личное оружие и в военном билете поставил соответствующий штамп. Это было 28-го июля, а шестого августа начались боевые действия. Меня командир

бригады отправляет с разведбатом 205-й бригады занять оборону и не пропустить боевиков в районе республиканского ГАИ. Все вооруженные, один я с пустой кобурой, куда я для веса положил гранату. Комбригу я сказал, что мой автомат в машине. Весь август, в разгар боевых действий, я не был вооружен. Разведбат удивлялся, что я с одним пистолетом иду воевать. Они даже не поняли, что в кобуре его нет. В подsumке у меня было еще четыре гранаты. Чтобы получить свое оружие назад, мне надо было ехать опять на склад, на Ханкалу... Времени на это просто не хватало.

Лема Магомедов был начальником ГАИ. Магомед Байбатыров с ним (ему бы сейчас было 67 лет. Он пропал бесследно)... Гаишники, боялись и боевиков, и федералов. Но Магомед меня узнал. До этого я спал на стульях у Лемы в кабинете, чтобы их защитить. Там стояли две десятиэтажки и пятиэтажка... На крыше снайперов поставили, окопы вырыли... и все время несли потери: снайпер бил с той стороны. Я командиру разведбата говорю, что нам поставили задачу не пропустить боевиков, так почему мы окопы вырыли прямо на открытом поле перед ними? Предложил спрятаться за домами, пусть бы они к нам шли. А там у нас танк, БТРы, минометы... Он прислушался. Дня три у нас потерь не было. Потом Ильина сменили, пришел Касатуров. Офицеры его подбили на то, чтобы пойти «снять» снайпера. Я находился у Лемы. Смотрю: БТРы, БМП выдвинули... Идут снайперов захватить. Выскочил, но...

В результате - несколько человек погибло.

Бросили их, вернулись обратно. Выказал я командиру!.. За что погибли ребята?...

На следующий день он посылает других, чтобы забрать раненых, тела погибших. Еще потеряли пять-шесть человек. Вернулись. Я спрашиваю: кто ответит за гибель этих людей? Кроме офицера разведбата, там находился и офицер ФСБ. Они говорят, надо послать ребят - гаишников, чтобы они договорились со своими, хотя бы трупы забрать. Мы подошли к Леме. Он послал на ту сторону двоих. Те »

утром ушли, в обед вернулись с условиями боевиков, чтобы разведбат снялся и ушел с поста, если хотят получить назад трупы своих. Мы уйти не могли. Тогда этот офицер ФСБ и командир разведбата говорят мне: «Товарищ майор! А не могли бы вы пойти к ним?»

Те своим не отдали, а мне отдадут?.. Я тогда никого не знал с той стороны. Я учил этих всему, и они решили: ты вот учишь, теперь покажи, как надо... Я ничего не сказал. Взял «Урал», посадил солдата одного за руль, сделали мне белый флаг и поехал, стоя на подножке. Я старался не думать ни о чем: ни о хорошем, ни о плохом. «Как договориться?» - только об этом заставлял себя думать. Перед окопами остановил машину. Бедный водитель, он был весь в поту. Оставил я его в машине и пошел. Со всех сторон: «Аллах Акбар! Аллах Акбар!..» Подхожу к ним. Мыслей никаких нет. Представился. Попросил свести со старшим. Ими командовал Ваха Арсанов. Пришел его командир разведки. Парень, как оказалось, был из Наура. Восемь детей у него было. Это он мне уже после войны рассказывал, когда мы с ним снова встретились. Я сказал, что пришел забрать трупы ребят, не будут же они, мол, вести с трупами войну. Дал слово, что, если случатся потери с их стороны, я верну им тела погибших. А он меня по телепередачам узнал. Не дал даже притронуться к телам. Там ребята, и русские, и чеченцы, рыли окопы. Он подозвал их, те погрузили трупы в машину. А идти к машине было далеко... Потом я предложил, чтобы мы друг в друга не стреляли, все равно этот идиотизм закончится, а люди хоть уцелеют. Он согласился. Я уточнил, что я у себя не самый большой начальник, и если будут стрелять с нашей стороны, то это не по моей команде. «Все в воле Аллаха», - ответил он. Мы хорошо поговорили, наладили контакт. Тут один из них (я уже говорил, что наши за целый месяц так и не поняли, что у меня не было пистолета) говорит мне: «Я смотрю, у тебя есть кобура, но пистолета в ней нет. (Там была граната, но он сразу понял, что пистолета нет. Всегда увидишь разницу...) Подари мне ко-

буру». Я вытащил оттуда гранату и отдал пустую кобуру. Но попросил его подарить и мне чего-нибудь. Он достает ножик, на котором выгравирован волк. Я спросил: «Ты головы им не резал?» - «Нет. - ответил он, - только хлеб». Я взял. Сутки мы не стреляли друг в друга. Потом все опять началось...

Недалеко от нас, в 500 метрах, находились московский ОМОН и екатеринбургский СОБР. И они, вообще не сопротивляясь, несли потери. Причем тогда, когда ходили в туалет. У них были раненые и убитые. Они просили помочь вывезти хотя бы раненых. А старшим от МВД был генерал-полковник Голубец. И он все: «Потерпите, потерпите...» Потом его, кстати, уволили. Был зам. министра МВД Куликова. Они обратились к нам по радиостанции. Мы - часть министерства обороны. И опять ко мне подходят командир разведбата и этот фсбэшник. Говорят, что на той стороне меня уже знают, предложили поехать к ним без головного убора, чтобы чеченцы меня узнали... (Это фсбэшник придумал). Я сел сверху на БТР и опять, не думая ни о чем, (а в плохое я просто не верил!), поехал. Договорился. Стрельба прекратилась, и четверых соборцев и омовцев я оттуда вывез. Уже потом, когда боевые действия закончились, я с этими ребятами встретился, и они мне говорят: «Кто тебя там узнал? Когда ты проезжал мост, тебя хотели «снять», но Ваха Арсанов отдал приказ в тебя не стрелять». Но тогда я об этом не думал...

Когда Пуликовский объявил «48 часов», Лема бросил свой пост, документы, машины...

Те, которые мог завести, увез и уехал, не говоря мне ни слова. Я у него столько времени прожил (он и сейчас начальник ГАИ, а младший брат - представитель Кадырова здесь), а он мне даже ничего не сказал, уехал. Одним из последних уезжал Магомед Байбатыров. Он мне говорит: «Поехали с нами!» Я ему: «Магомед, мы с тобой друзья, но я офицер. Я не могу...» Один раз Магомед, когда ему поручили одну квартиру, из которой люди уехали, даже пригласил меня по-человечески поспать, отдохнуть, а то и он, пожилой человек, все на стульях спал. Он признался,

что очень уважает меня. Они уехали. Меня вызвали на несколько часов в аэропорт «Северный». Пока я вернулся, разведбат все там разграбил. Все абсолютно! Ни одной машины... Я как увидел эту картину... Те машины, которые там оставались, они оттащили. Страшная картина. И не найдешь ничего. Я проследил, где они попрятали вещи, вывезенные из домов и квартир, отследил хоть часть вещей, иначе бесполезно было жаловаться... Зашел к командиру бригады и говорю: «Хотите посмотреть, как разведбат воюет? Я хочу вам показать.» Отвел его и показал, что они украли: стиральные порошки, колготки, кассеты, туфли женские... Командир бригады дал команду вернуть все награбленное. Я погрузил на БТР и приехал туда, а там боевики стоят, здесь - эти, и где я буду разносить?.. Между ними все это разгрузил и попросил людей, которые там остались, чтобы они вернули все, когда хозяева вернутся. Я показал им, что хоть что-то могу сделать. А Лему, встретив его в аэропорту «Северный», попросил послать на пост хотя бы несколько человек... Он дал мне пятерых из своих гаишников, очень хороших ребят, которые со мной вернулись. И хотя все там было разграблено, они не дали все это по кирпичам разнести... А с этим разведбатом, который продолжал грабить, мне приходилось не раз воевать... Начальство это мародерство поощряло. Один раз я показал, их заставили вернуть награбленное, а потом закрывали глаза на все. В шесть утра уже солдат бежит из этих домов с мешком на плечах... И эти же гаишники все видят. Я остановил солдата, кричу на него... А они... в окопы зайдешь, сервисы стоят, чай пьют... А этот - чашки, ложки, обувь какую-то... Я на него кричу, он: «Я сейчас все отнесу, отнесу...» Потом говорит: «Можно я эти туфли оставлю себе?» Я посмотрел на его ноги, у него рваная обувь. Мне стало жаль его. Сказал, чтобы отнес все, кроме туфель. Уследить все равно было невозможно. Но что-то мне удавалось спасти, показать нашим ребятам, что нельзя этого делать.

«

(Продолжение в следующем номере)

СОЮЗ, СКРЕПЛЕННЫЙ НА НЕБЕСАХ...

**7 января 2000 года ушел из жизни солнечный Человек
Махмуд Эсамбаев**

«Чародей Танца», человек, которого «поцеловал Бог», он продолжал украшать собой сцену, пока его сильное красивое тело, тело великого танцора, перед которым, казалось, бессильно отступало время, не заставила биться в судорогах война, дважды за короткое время развязанная на его земле.

Трагедия Чечни стала его личной трагедией. Он потерял все, что хотел оставить своему народу: уникальные сценические костюмы, ценнейшие картины и книги с дарственными надписями, автографами мировых классиков живописи и литературы, бесценные реликвии, собранные со всего света...

Весь мир лежал когда-то у его ног... А он все время возвращался домой. В маленькую Чечню. В свой Грозный.

Он любил этот город. Будто созданный для любви...

Оазис, освещенный улыбками красивых людей... Один из них, но отмеченный свыше, он любил гулять по ночному Грозному. Его узнавали не только по знаменитой папаше, в которой он проществовал по миру, как Посол нации... Он уважал своего потенциального зрителя. В будни и в праздники, на сцене и на улице, среди чеченцев и нечеченцев он всегда был неподражаемо блистателен...

Он умел носить то, что было ему даровано Богом: особенную Махмудовскую статью!

Талант, которому не учат... Он не уставал быть Махмудом Эсамбаевым. А это был тяжкий, каждодневный труд, дававший ослепительный результат.

Его солнечная улыбка притягивала к нему людей всех возрастов, всех народов, всех верований...

С юными он был юн, со старцами - мудр, и в свои 75 лет был неутомимо молод...

Не мыслящий себя вне Родины, он потерял больше, чем может потерять танцор, актер, человек: он потерял себя. Он умер, оплакивая героическую гибель своего Грозного. Мертвые улицы родного города убивали его душу. Последние дни его жизни были отравлены «новостями» о Чечне: он просил включить телевизор и плакал... Он не узнавал знакомых улиц... Не понимал языка политиков... журналистов... Бессильный что-либо изменить, он плакал... Пока билось сердце...

В одном из столичных музеев как бесценный экспонат хранится безупречная кардиограмма Махмуда

Эсамбаева, записанная за несколько месяцев до его смерти.

XX век, заявив на своего сына абсолютное право, не дал ему переступить порог нового тысячелетия. Махмуд умел принять вызов Времени.

Не имея даже шести классов образования, он смог стать академиком международных академий еще в СССР...

»

Не имея даже начального музыкального образования, он сумел постичь высокую классическую музыку...

Уже в зрелом возрасте он подчинит себе законы русского классического балета. «Махмуд, как хорошо, что ты не учился в школе балета, ты стал бы одним из нас!», - признавалась восхищенно легендарная Галина Уланова.

Он будет танцевать танцы народов мира, обучаясь им за время своих гастролей, и залы будут реветь от восторга...

В возрасте Христа он станцует индийский танец «Золотой Бог», которому обучают в Индии с рождения...

Храмовый индийский танец «Макумба» в его исполнении не только достигнет исцеляющей силы на его родине, но даст ему самому силы перетанцевать верховного вождя древнего племени, для которого исполнение «Макумбы» было принесением себя в жертву...

Он умел принять вызов Времени... Но когда век XX-й мертвой хваткой вцепился в него, он не стал сопротивляться... Потому что пережил все, что было ему дорого в этой жизни...

И, будто опомнившись, будто очнувшись от наваждения, он обернулся... Рядом с ним впервые не было той, которую он вымолит у Неба... Нина...

Нина Аркадьевна... Каких-то два года за всю их долгую и счастливую жизнь впервые стали между ними. Она была для него всем. Всю жизнь, находясь в тени его славы, она с упоением и любовью вела по жизни... Махмуда. Не своего. Она знала, что Махмуд принадлежит миру. Уже это ее делало счастливой. Трепетно-нежные отношения, сложившиеся между ними, они сумели передать единственной дочери Стелле и двум своим внукам: Магомеду и Мадине.

Он был для них центром их вселенной, а она - создательницей и хранительницей этой вселенной. Они должны были научиться жить без него. Он же - не захотел...

В своей московской квартире она подвернула ногу... В лучшей столичной больнице ей не смогли оказать элементарную помощь...

«Поцелованный Богом», - сказал о нем однажды его лучший друг, советский актер Владимир Зельдин.

Ему, «поцелованному Богом», была доступна и эта роскошь: забрать свою Нину к себе...

Порадуемся этому союзу, скрепленному на Небесах. И пусть их уход вызовет у нас улыбку.

Немного грустную. В меру печальную... Но обязательно - добрую...

Улыбку, которую умел вызывать только Махмуд...

Марьям.

«... Хотя я вдалеке от вас, - душой я с вами. Когда показывают наш город, убитых людей, я плачу от бессилия - чем я могу помочь? Это страшное дело. Сегодня у меня есть титулы всех мастей, я достиг всего того, что желал. Но на что это мне?... Я ложусь и просыпаюсь без радости.

Дай нам Аллах обрести потерянный мир. Всю свою жизнь я посвятил на благо нашего народа.

Я делал только добро. Я желаю и вам только добра...

(Из последнего интервью, данного корреспонденту газеты «Республика» И. Шовхалову в марте 1996 года)

Специально для журнала «ДОШ»

Марьям ВАХИДОВА

Акрам Хузам - личность, соединившая в себе культуры Востока и Запада, Европы и Азии. Выпускник ГИТИСА, однажды и навсегда приобщившийся к русской культуре, он не только верит в Россию, но и пытается понять ее умом.

Родившийся и выросший в православной семье среди народа, давшего миру последнего Пророка, он за свою журналистскую деятельность сделал много документальных фильмов и программ об Исламе, о Священном Писании, о древнейших арабских рукописях.

Многие по всему миру узнают его по репортажам из Москвы, которые он ведет, как шеф-редактор телеканала «Аль-Джазира».

«Аль-Джазира» в переводе на русский язык означает - Остров. Любой. Всякий.

Когда речь идет о профессионализме, то ему, Акраму, не все равно, каков климат на его Острове. Вот почему здесь можно встретить мусульманина и христианина, которых сегодня усиленно противопоставляют.

«В ОСНОВЕ ВСЕГО ЛЕЖИТ, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, БОРЬБА ИНТЕРЕСОВ...»

- А каков он сам, этот «Арабский мир» или «Исламский Восток», «яркие» представители которого стали сегодня головной болью, изгой не только крохотной (по своим масштабам) Чечни, но и такой могущественной державы, как Америка?

- Я часто слышу: «Исламский Восток», «Арабский мир»... Таких понятий вне России не существует. Возьмем «Арабский мир». Что здесь имеют в виду? Марокко - это одно. Йемен - это другое, а Египет - третье. Что их может, на первый взгляд, объединять? Язык? Если так, то лично я не понимаю языка марокканцев. Если взять экономическую составляющую, то и здесь немало принципиальных отличий, которые достались этим странам в наследство от господствовавшей идеологии в бывших империях. Марокко и Алжир, Сирия и Ливан... все они расколоты: одни долгое время находились под влиянием Франции, другие - Англии.

Есть арабские государства. Есть арабские народы. Но что такое, опять же, арабские народы? Пророк Магомет завоевал определен-

ные территории, дошел до Китая, но это не означает, что эта огром-

ная территория и есть Арабский мир. Это нереально. Среди арабов есть разные конфессии (христиане, католики, протестанты), есть разные нации (курды, черкесы...). Все они граждане арабских стран, говорящие на государственном языке, но сохранившие свою культуру, язык, обычаи... Как их выделить из «Арабского мира»?

А что такое «Исламский мир»? Что здесь может быть объединяющим фактором? Если это вера, то можно говорить только о мусульманах этих стран, а куда отнес-

ти всех остальных, о которых я говорил, кто не исповедует Ислам? Я против такого термина.

- А что имеют в виду, когда говорят: «Исламский Восток»?

- Не знаю. Давайте поставим вопрос по-другому: Что такое Сирия? Если вернуться в историю, то Сирия, Иордания, Израиль и Ливан - все это была одна большая Сирия. Жили на этой территории сначала язычники и иудеи, затем - христиане. Ислама там не было. Даже во времена последнего Пророка, 600 лет назад, было больше свободы: либо ты платишь налоги и остаешься в своей вере, либо принимаешь Ислам. Это был нормальный Ислам. Без экстремизма...

- Но с чеченцев ли началась ревизия Ислама?

Летом 1992 года отдельные депутаты парламента Чечни для поднятия собственного рейтинга, как сказали бы сейчас, избрали, на первый взгляд, весьма странный и неожиданный маршрут: Мекка - Медина. Поскольку эти города являются исключительно исламскими святы-

нями, не трудно было догадаться, что их политическое банкротство нуждается в срочном освящении. Депутатам-хаджам после паломничества мог быть выдан некий «кредит доверия»...

С другой стороны, Зелимхан-хаджа (святой) - против имени первого президента Чечни, больше похожего на «завсегда-тая парижских кафешантанов», как писала «Комсомолка», могло обеспечить носителю приставки неплохую политперспективу...

Таково было в тот год первое робкое, но явно далеко идущее поползновение на Ислам, когда политики поняли, что именно из религии можно черпать неолевашевские лозунги для оболванивания народа, заменив вечно «живого» Ленина на собственное понимание традиционных ценностей.

- После ухода из этого мира последнего Пророка началось разное толкование Ислама.

У Абу-Бакра, у Омара было одно направление, у Али - другое. Али считал, что люди должны самостоятельно принимать решения, стремиться к знаниям, быть прогрессивными... Это не могло нравиться тем, кто хотел полного подчинить себе верующих и т.п.

Толкования сущности Ислама и Корана отражали борьбу интересов последователей Пророка.

Если глубоко изучать материалы тех времен, то можно увидеть, что в основе всего лежит, в первую очередь, борьба их интересов. Из всех последователей Пророка прогрессивная идея была заложена у Али.

А что такое религия? Я знаю, что вы верующий человек, но вы не носите паранджу, не ходите в мечеть. Вы верите в душе. Как вы молитесь, это ваше личное дело. Никакой таксист или боевик не должны вам указывать, во что и как вам одеваться. Посмотрите на элиту в Пакистане или в Ираке. Массово одевается в дешевую одежду: проще купить покрывала и спрятать за ними нужду, поселившись в своем доме, создавая иллюзию хоть какого-то благополучия уже тем, что живешь ты, как большинство твоего народа. А обратите внимание на женщин из семей политиков. Они всегда одеты светски, у них открыты лица. И, поверьте, ни таксист, ни боевик не спросит, почему жена президента или депутата не прячет лица, не кутает плеч или ходит в платье с коротким рукавом. Как должна одеваться женщина, об этом не говорили и этого не знали даже во времена Пророка. А паранджу еще задолго до Ислама носили арабские женщины исключительно из влиятельных семей.

Не знаю истинной причины: может, для красоты, или чтобы отличаться в обществе... Почему жены Пророка носили паранджу? Потому что принадлежали к арабской элите, а не потому, что приняли Ислам. Когда и почему чадру перенесли в народ - ответ на это надо, думаю, искать в том времени, когда борьба интересов стала важнее истины.

- Как могло случиться, что для чеченцев оказалось достаточным уже то, что человек приехал из арабской страны, чтобы позволить ему так грубо вмешаться

человек! Вовремя приехала в республику. Еще год назад на этой сцене мы проводили атеистические утренники... И вот в эту Чечню, но уже при новой власти приезжают арабы, не сумевшие состояться как личности в своих странах, но с претензией на мессианство. Как ни странно, но звучащая арабская речь из уст даже малограмотного заезжего араба почти гипнотически стала действовать на чеченцев, получивших уже возможность не только не прятаться во время совершения намаза, но открыто ходить в мечети, совершать молитвы и зикры хоть публично, на площади.

Такое внезапное благоговение перед арабскими гастролерами... Духовные наследники таких великих святых, как Шейх Мансур и Кунта-Хаджи Кишиев, павшие ниц пред невежественными бедуинами!.. И это вместо того, чтобы вернуться к своим родным истокам!

в жизнь своей страны, своего народа?

- Не согласен. Где-то полгода назад лично мне многие чеченцы жаловались на арабов.

- ???

- Беженцы в Ингушетии, когда я посещал их в лагерях.

- После того, как стали беженцами!..

- Такое характерно не только для Чечни. Подобное было в Таджикистане, Афганистане. Везде, где народ обнищал в войнах. Народу была далека идеология фанатиков. Но некоторые люди получали от них помощь и защиту, пусть даже

и в очень своеобразном виде.

- Но разве африканский континент находится не в большей нищете, чем арабские страны?

- Там тоже не меньше вербуют.

- Но мировую общественность пугают не неграми-террористами. Тогда как араб и террор в сознании современников становятся неразделимыми понятиями.

- По-моему, больше говорят об исламских террористах, о тех, кому внушают, что их место, как воинов Аллаха, там, куда их вербуют.

- Но они мусульмане?

- С моей точки зрения - нет.

- Мне моя вера не навязывает военные действия в Афганистане, например, или в Дагестане. Почему же Бен-Ладен или Хаттаб должны восприниматься как «борцы за веру»?

- На самом деле они всего лишь часть большого плана, по которому реализуются геополитические интересы мировых держав. Взять к примеру хотя бы Пакистан - Афганистан - Среднюю Азию. Это страны Великого шелкового пути. А Кения? Что такое Кения для Запада? Это выход на многие африканские страны.

- К сожалению, мало кто анализирует события в мире в единой цепи, зато стало чуть ли не хорошим тоном проводить параллель между событиями, происходящими в Чечне и России, с тем, что происходит в Палестине и Израиле.

- На мой взгляд, такая параллель невозможна. Из-за принципиальной разницы. В Чечне есть нерешенные проблемы, и они больше носят исторический характер. Они не в 90-е годы возникли.

- В Чечне решаются, на ваш взгляд, глобальные чеченские или все же российские вопросы?

- Конечно, глобальные российские вопросы, одним из которых является и судьба Чечни.

Разговаривая со многими российскими генералами, прямо давал им понять, что если чеченцы - это российский народ, то к ним соответственно и надо относиться.

- Почти в каждой стране, республике, где бываете, вы делаете фильмы или программы об Исламе. Откуда у вас знания об Исламе, которыми не каждый мусульманин может похвастаться?

- Коран я прочел, когда мне было 13 лет. Самостоятельно. Мой учитель посоветовал мне, как будущему режиссеру, по языку Корана отшлифовать свою речь. Произношение, грамматику я отточил, изучая Коран, которому в этом отношении нет равного текста. Позже не просто читал, но изучал для себя философскую литературу. Из всех религий я беру лучшее и воплощаю это в своей жизни.

- Вы изучили Коран, живя среди арабов, а не в Европе или в России. Вы считаете, что в арабской среде можно оставаться атеистом?

- Я жил в арабской стране и остался атеистом. В Катаре и Саудовской Аравии инакомыслие нельзя афишировать. Но я не люблю, когда мне навязывают, во что верить, а во что нет. Вера - это мое личное дело.

- Когда ваш народ избирает себе власть, главу государства, на что он опирается в первую очередь?

- Понятие выбора в арабских странах - это иллюзия. Выбора там нет.

- Почему арабские страны, заинтересованные в поддержании своих боевиков (террористов), в том числе и финансово, на территории Чечни, не открыли свои границы для принятия чеченских беженцев? Почему мусульманский народ - чеченцы ищут и находят приют в христианской Европе? Разве вера не обязывает мусульман помогать братьям по вере?

- Все очень просто. В Европе есть государственный институт, обес-

печивающий демократию. Есть парламент. Это все завоевано и оплачено большой кровью, и Европа этим дорожит.

- Разве арабы мало пролили крови за свою историю?

- Мало. За свободу - мало. День независимости в Англии и Франции - это действительно национальный праздник. А что празднуют их бывшие колонии, которым эти империи подарили свободу, просто отпустив их?

- В арабских странах есть Комитеты защиты прав человека?

- Есть, но они созданы людьми, которые учились этому на Западе и в Европе.

- Когда-то Россия тоже с этого начинала: Петр Первый посылал учиться в Голландию, в Германию, но при этом Россия продолжала оставаться крепостной, а ее народы бесправными. Европа не очень меняла облик России, все время стремящейся к европейским ценностям. Насколько продвинулись в этом плане арабы?

- Триста лет не особо продвинули саму Россию. Что говорить об арабах?..

- Вы приехали в Россию »

в 26 лет, а значит, уже сформировавшимся молодым человеком, который знает, «что ищет он в стране далекой»... Каково было человеку из другой культуры вписаться в российскую действительность?

- Я приехал в СССР получить профессию. У меня была мечта попасть в ГИТИС. Многие вопросы тогда в Союзе были решены нормально, и тем не менее адаптация шла долго.

- В Сирии у вас была возможность уже что-то знать о ГИТИСе?

- Я знал систему Станиславского, читал на арабском языке Чехова, Достоевского. Но была и вторая причина, почему я уехал из Сирии. Это связано с демократией. Я хотел получить профессиональную базу и вернуться в обновленную страну. Очень хотелось надеяться, что ситуация к моему возвращению изменится.

- Выходит, в Сирии можно работать режиссером?

- Можно. Театры там работают, но главное, каким быть режиссером. Помните, как у вас было при Советах? К сожалению, у нас до сих пор все подчинено официальной идеологии.

- А женщины могут играть в театре?

- Могут. Могут даже раздеваться на сцене. (Смеется) Главное - репертуар. Главное, что такое театр: инструмент господствующей идеологии или особый институт, где человек может получить наслаждение, культурно отдохнуть?

- В Чечне с приходом арабов-вахабитов пытались закрыть театры...

- В Саудовской Аравии тоже так. Но в Сирии и других арабских стра-

нах есть даже мужчины - гинекологи.

- Как чувствует себя арабка-христианка в арабских странах? Не живут же христиане-арабы обособленно от мусульман? Мини-юбки могут соседствовать на улицах с чадрой?

- Спокойно.

- Где женщина должна закрыть лицо?

- Женщина ничего не должна. Разве что в Мекке?..

- В Мекке как раз не носят чадру. Там достаточно спрятать волосы. По-моему, там любая женщина заинтересована сохранить цвет и структуру волос от палящего солнца.

- Нормального красивого человека везде принимают. Нужно только уважать традиции народа.

- Вы выросли в многодетной семье?

- У меня два брата и четыре сестры. Сестры замужем за арабами. Они все верующие.

- Отец ваш нормально относится к вашим убеждениям, или он не знает, что вы - атеист?

- Отец считает, что правду нужно воспринимать такой, какая она есть.

- Мудрая позиция для человека, который мог бы и приказать верить... Ваша семья ходит в церковь?

- Ходит. И в то же время все одеваются светски, у всех светские профессии.

- Ваши сестры приезжают к вам в гости?

- Одна из них была у меня здесь, в Москве.

- Ей не казалось, что она не может оставаться в этой стране в связи с разностью культур?

- У нее была насыщенная программа. Все, что она здесь увидела, ей очень понравилось.

- В Сирии есть балет?

- Есть. Балетная школа. Девочка из любой семьи, если только у нее есть талант, может учиться в этой школе.

- Я спрашиваю об этом, потому что есть виды искусства или спорта, в которых нет и быть не может чеченок только потому, что надо было бы одеваться довольно откровенно. Например, в балете, в фигурном катании, в гимнастике...

- Лично для меня это очень

странно.

- Станным для нас, чеченцев, было видеть короля Иордании Хусейна в гробу, когда его тело везли по улицам города.

- А что в этом странного, я не понял?

- Он ведь был мусульманином!

- (Смеется) Я же говорил, что элита освобождает себя от многих условностей. В том числе и от религиозных.

- Арабов-христиан хоронят в гробу и ставят крест на их могилах?

- Да.

- И мусульмане не оскверняют их могилы?

- Нет.

- Нетерпимость в вере, арабы, похоже, приберегли для Чечни и России. Значит, то, что арабы дали миру последнего Пророка, не обязывает всех арабов принять Ислам?

- Нет.

Кадры из документального фильма Акрама ХУЗАМА.

А. ШЛЯПНИКОВ: «ЗА ХЛЕБОМ И НЕФТЬЮ»

Александр Гаврилович Шляпников (1885 -о 1937) родился в г. Муроме в семье старообрядцев. Рабочий (токарь по металлу высшей квалификации), рабочий стаж -16 лет (на заводах России, Франции, Германии и Англии). Член РСДРП с 1901 г., большевик. В годы эмиграции (1908-1914) - также член Французской социалистической партии. В 1914-1916 гг. неоднократно приезжал в Россию, где находился на нелегальном положении, кооптирован в ЦК РСДРП(б) (1915), в / 916 возглавил Русское бюро ЦК. В дни Февральской революции - единственный член ЦК, активно принимавший участие в петроградских событиях. С момента создания Петроградского совета - член его исполкома. Председатель Петроградского, а затем и Всероссийского союза рабочих-металлистов. Нарком труда в первом советском правительстве большевиков (совнарком) октября 1917 г.; вскоре по совместительству стал наркомом торговли и промышленности (несмотря на поддержку идеи создания «однородного социалистического правительства», т.е. коалиционного правительства из представителей всех партий, представленных на II съезде Советов). Летом 1918 г. - уполномоченный совнаркома по продовольствию на Кубани и Северном Кавказе, член Реввоенсовета Южного (осень 1918) и Западного (1919-1920) фронтов, председатель Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта (1918-1919). В 1920-21 гг. - лидер «рабочей оппозиции». В 1921-22 гг. - возглавляет Комиссию ЦК по улучшению быта рабочих. В последующие годы (до 1934) на хозяйственной и дипломатической работе. С 1920 г. в течении десяти лет публикуются мемуарные и исторические труды Шляпникова (две части кн. «Канун семнадцатого года» и четыре тома «Семнадцатого года», статьи в журнале «Пролетарская революция» и др.). С 1921 г. Шляпников - объект постоянной злобной критики и шельмования со стороны партийного руководства (то за реальную «рабочую оппозицию», прекратившую свое существование в 1921-22 гг., то за мнимую принадлежность к уже не существующей «рабочей оппозиции», то за мнимую связь с другими внутривластными оппозициями, за анархо-синдикализм, меньшевизм и пр., то за свои исторические труды...). В 1933 г. исключен из партии. В 1934 г. сослан на несколько месяцев на Кольский полуостров. В 1935 г. арестован и через полгода сослан в Астрахань. В 1937 г. вновь арестован и расстрелян.

Работу над воспоминаниями о продовольственной работе на Северном Кавказе Шляпников закончил в 1934 г. Попытка опубликовать рукопись «За хлебом и нефтью» закончилась неудачно. Собственно говоря, другого в те годы уже не могло и быть. Ситуация, в которой оказался Шляпников в период написания своих «северокавказских» воспоминаний, можно назвать - трагической. Его официальным местом работы в те годы был Госплан РСФСР (начальник стройсектора) о работа, являвшаяся, по сути, продолжением десятилетней опалы. С 1932 г. вдруг усилились атаки на Шляпникова-историка: «тургеневский герой лжи, якшавшийся со всякой швалью» (Мехлис), «всегда стоявший на меньшевистско-троцкистской установке, классовый враг в партии» (Бубнов), «англо-французский оппортунист» (К.Николаева) - вот только некоторые из характеристик, коих удостоивался бывший нарком труда. Затем последовала унижительная процедура исключения из партии. Затем увольнение и ссылка. Средств к существованию не было. Семью - жену и троих детей надо было как-то прокормить. «За хлебом и нефтью» автор, по-видимому, рассматривал как возможный источник дохода... Ибо полагал, что никакой крамолы в истории поездки в 1918 году на Юг России, не было, а «присутствие» в этой истории самого Сталина, с которым Шляпников и был тогда послан за хлебом, и с которым они поделили регионы пребывания (Сталин - в Царицыне, на Дону и на Нижней Волге, Шляпников - на Кубани и Северном Кавказе) - делают воспоминания «проходными»... Все кончилось тем, что рукопись изъяли на обыске при аресте и она около шестидесяти лет пролежала в Центральном архиве КГБ. Только недавно воспоминания вернули дочери Шляпникова Ирине Шляпниковой. В настоящее время «За хлебом и нефтью» публикуется в продолжениях в журнале «Вопросы истории».

Из этих материалов «Дош» публикует небольшие фрагменты. Текст книги Шляпникова (как и его предыдущие книги «Семнадцатый год») перенасыщены документами, что связано было в первую очередь с цензурными соображениями: «Истпарт», единственное издательство, где Шляпников мог надеяться опубликовать свой труд, легче шло на публикацию документов, чем мемуарных свидетельств. Приведенные в публикуемых нами фрагментах события (1917 - зима 1918) относятся к периоду, непосредственным свидетелем которых мемуарист не был. Шляпников, как бы пытается обрисовать цитатами из собранных им источников сложившуюся ситуацию в регионе, в который он попал. Для удобства чтения мы опускаем ссылки на источники, используемые автором «За хлебом и нефтью»; в случае необходимости выяснить источники цитирования читатель может обратиться к публикациям в «Вопросах истории» (№№ 11, 12 2002 г).

Борис Беленкин ➤

Братство и доверие между чеченским населением и рабочим классом, а вслед за этим и всем русским населением было полное. Отношения самые, наилучшие и благожелательные с обеих сторон.

Контакт, надо сказать сильнее - дружба между Чеченским комитетом и Советом Р.С. и К. (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов была весьма тесная и искренняя.

Так было до 10 сего мая совершенно неожиданное, случайное событие, омрачившее эти прекрасные отношения чеченцев и русских, заставившее пережить страх не только за судьбу этих отношений, но и за многое другое, что и заставляет призадуматься за будущее и сделать из этого некоторые выводы и заключения.

Какое же «случайное событие» вызвало сразу же и страх за судьбу хороших отношений и заставило власти Временного правительства призадуматься о будущем? Вот какое событие произошло в г. Грозном:

«10 сего мая в 2 часа дня в Терской области, центре чеченского населения и центре нефтяного района Северного Кавказа произошло следующее случайное событие. Встретились на базаре два или три солдата с двумя чеченцами, и те и другие были выпивши. Завели между собой разговор, перешедший в перебранку, во время которой один из солдат, схватив-

шись за ножны кинжала, хотел его сорвать с чеченца. Но чеченец обнажил кинжал и ранил в руку солдата, после чего, вырвавшись, стал убежать; другие солдаты преследовали его. Преследуемый чеченец на бегу вынул револьвер и, обернувшись, убил солдата.

Видевшие это русские обыватели и солдаты, бывшие на базаре, побежали по трем параллельным улицам, ведущим к казармам, за винтовками, с криками, что чеченцы на базаре режут русских и солдат.

По всему городу возникла ужасная паника, и ближайшие патрули солдат, не разобравши в чем дело, под влиянием той же паники начали в разных частях города расстреливать залпами бегущих в панике чеченцев. Было убито: чеченцев 11 и солдат один или два и ранено - чеченцев восемь и солдат два.

Солдаты, кинувшиеся в казармы и вооруженные винтовками, свое временно были с трудом удержаны у казарм членами Совета Р.С. и К. депутатов и офицерами полка, благодаря чему не произошло катастрофы, определить и учесть размеры которой невозможно.

Экстренно собрался Совет Р.С. и К. депутатов и немедленно разослал делегации к солдатам, так как поступили сведения, что солдат, возбуждаемых окраинным населением, нет возможности удержать в казармах, ибо между ними царит страшное возбуждение против чеченцев. Кроме того, были немедленно отправлены делегации к чеченцам, в разных направлениях от Грозного, в аулы, дабы узнать настроение Чечни в горах.

Делегации, состоящие из представителей чеченской интеллигенции, Чеченского комитета и Совета Р.С. и К. депутатов, не теряя времени, несмотря на надвигавшуюся ночь, в 7 часов вечера на автомобилях и фаззонах выехали в горы.

Одна из делегаций около 10 часов вечера верстах в 20 от Грозного встретила, при глубокой ночной темноте, с факелами и фонарями толпу чеченцев в несколько тысяч человек, вооруженных с ног до го-

ловы, с австрийскими винтовками в руках. В числе их были и женщины и подростки, также вооружение.

Толпа эта двигалась в Грозный, и если бы не встретившаяся делегация, толпа эта была бы часам к 2 ночи в Грозном, и последствия были бы ужасны. Из переговоров выяснилось, что в горы дошли слухи, якобы в Грозном убиты все члены Чеченского комитета и что теперь солдаты режут чеченских жен и детей; они же спешат на выручку своих. И они крайне удивлены, видя перед собой члена Чеченского комитета т. Эль-дарханова невинным, тогда как они считали его уже убитым.

Когда Эльдарханов и другие делегаты рассказали истинное положение и что переданное в горы есть ложь и провокация, то успокоенные чеченцы по предложению Эльдарханова немедленно повернули обратно в горы и разошлись по аулам.

Другая делегация, направленная в селение Шали в 80 верстах от Грозного, находящееся в глубоких горах, вблизи границы Дагестана, прибыла в селение Шали лишь на другой день. Здесь делегацией было установлено формирование по аулам трех групп чеченцев в количестве, по словам члена делегации офицера-кон-войца, чеченца, около 60 000 человек, вооруженных с ног до головы трехлинейными винтовками (австрийскими) и увешанных большим запасом патронов. Эти три группы уже выступили на лошадях верхом и пешие.

Когда и здесь делегация рассказала истинное положение, то и здесь возбуждение понемногу улеглось, и чеченцы свое выступление решили отложить, однако для проверки решили послать стариков».

Происшествие это в то время объясняли полицейской провокацией, так как «между прочим, везде чеченцы выражали недоумение, что чеченцы боятся русских, а русские чеченцев. Это есть результат провокационной работы бывших чеченцев-полицейских, которые, как русские полицейские, не отправлены на фронт, а остались не у дел на

местах».

Но дальнейшие соображения представителя Временного правительства показывали, что одной полицейской провокации было бы недостаточно, если бы самое горское население не походило на «пороховой бочонок», готовый взорваться от любой искры.

«Сам по себе вышеуказанный, кажущийся на первый взгляд незначительным, случай, не представляется, как бы случаем государственной важности, но если присмотреться ближе, то создавшееся положение в Восточном Кавказе и Закавказье представляет из себя ни более, ни менее как пороховой бочонок, готовый взорваться от незначительной спички, от взрыва которого неминуемо должна взлететь вся Россия. Для взрыва же этого бочонок достаточно, как показало 10 сего мая, такого незначительного случая, как столкновение на базаре нескольких пьяных солдат и чеченцев.

Тем более, принимая во внимание заявление Чеченского комитета, что при втором таком случае комитет снимает с себя всякую ответственность и не ручается, что сможет предотвратить катастрофу, к этому вопросу необходимо подходить весьма и весьма осторожно, ибо туча, безусловно, висит. Но сказать, что эта туча разрядится, никто не может, как и никто не поручится, что она не разрядится. Ибо кто может поручиться, что сегодня или завтра не подерутся солдаты с чеченцами, или чего-нибудь в этом роде не случится.

Повторяю, что к этому вопросу необходимо подходить весьма осторожно, а главное - незаметно, ибо неосторожным ходом можно самим вызвать разряд. И поэтому все мероприятия должны проводиться под покровом глубочайшей тайны».

Давая такую характеристику создавшегося положения, доклад не содержал анализа причин, породивших его, не указывал и мероприятий к его улучшению, а ставил вопрос о «тайных мероприятиях» - тайных потому, что, став явными, они разоблачили бы насильническую политику соглашателей в национальном вопросе на Кавказе.

С октября 1917 г. и по март 1918 г. Грозный был в состоянии войны

с Чечней. Контрреволюционное Тер-ско-Дагестанское правительство горских помещиков и буржуазии умело использовало религиозные предрассудки горских племен, национальную их вражду к захватнической политике царизма и натравило народы Ингушетии, Чечни, Дагестана на русское население.

Города Владикавказ, Грозный, Петровск неоднократно подвергались налетам вооруженных горцев, жителей грабили и даже уводили в плен. Но особенно яростную борьбу вели чеченцы за разоружение солдат и за обладание городом Грозным.

В конце ноября на грозненские Новые промыслы чеченцы произвели массовый налет. Разграбили рабочее население, убили защищавшихся и по-догнали промыслы. Самому городу был предъявлен ультиматум: вывести из него войска и сдать город чеченскому горскому комитету.

В этот период борьба велась только против русских солдат и рабочих. Казаков чеченцы тогда еще не трогали, и сами казаки держались «нейтрально».

В то время в Чечне были расположены гарнизоны в селении Хасав-Юрт, в слободе Воздвиженской и в крепости Ведено. Против солдат этих гарнизонов действовали крупные вооруженные силы чеченцев. В районе Гудермеса и Хасав-Юрта при попытке разоружить эшелон ехавших в Грузию войск произошло кровавое столкновение с чеченцами, от которого пострадали аул Гудермес, русские хутора и селение Хасав-Юрт. Солдаты проложили себе путь оружием, но впоследствии селение было разгромлено, русские жители ограблены и спаслись бегством в сторону г. Кизляра.

Гарнизон слободы Воздвиженской в составе четырех рот 111-го запасного пехотного полка был обезоружен обманом: чеченцы заверили солдат, что грозненский гарнизон также разоружен, и подтвердили это при помощи подставных «делегатов» из Грозного. 10 декабря обезоруженные солдаты гарнизона слободы Воздвиженской прибыли в г. Грозный, и тут только выяснили, что их обманули.

Гарнизон крепости Ведено был

отрезан и выдерживал осаду чеченцев в течение нескольких месяцев, моральную поддержку осажденным оказывали рабочие и совет г. Грозного.

Что заставляло грозненцев поддерживать солдатские настроения «держат в своих руках» крепость Ведено, можно понять только исходя из анализа положения самого Грозного. В крепости Ведено было 19 орудий, хотя и устарелого образца, но все же обеспеченных боевыми запасами, 15 пулеметов, свыше 100 000 винтовочных патронов и много гранат, берданок и трехлинейных винтовок.

Руководители Грозненского совета рабочих и военных депутатов и городское самоуправление, фактически являвшиеся органами местной власти, удерживали солдат в крепости Ведено из опасений, что вооружение крепости, сданное чеченцам, будет использовано ими против Грозного. Кроме того, наличие русских вооруженных сил в гарнизонных районах Чечни отвлекало от наступательных операций на город значительные силы, задерживая их для осадных и прочих операций в районах гарнизонных расположений.

Из окруженной чеченскими полчищами крепости Ведено [в Грозный] приехало несколько солдат и офицеров. Они выехали ночью на лошадях. Ехали ночам 9 дней в Дагестан. Им удалось прорваться в Петровск, откуда они по железной дороге проехали во Владикавказ. Обратились к генералу Половцеву, командующему войсками, с просьбой немедленно двинуть войска на выручку крепости. Половцев как-то странно отнесся к сообщению беглецов из Ведено. Генерал Половцев предложил им сдать крепость и орудия под расписку представителей чеченцев.

Тогда они приехали сюда, в Грозный, и просят идти на выручку крепости. Крепость надо спасать. В ней имеется 19 пушек, 15 пулеметов, 100 000 патронов, масса гранат. Запасов продовольствия только на несколько дней. Если не оказать ей помощи, она падет. Раньше солдаты в Ведено рассчитывали, когда у них кончится запас продовольствия, взорвать крепость, испортить пушки и с пулеметами пробиться в

»

Грозный. Но чеченцы 28 и 30 ноября предложили им сдаться и под охраной ехать в Грозный. Солдаты отказались. Чеченцы заявили гарнизону крепости, что если пушки будут испорчены, то всем солдатам грозит гибель.

Какие цели преследовала горская буржуазия, обезоруживая солдат и натравливая чеченские массы на грозненских рабочих - понять было легко: рабочие нефтяных промыслов и нефтяных заводов выходили из-под власти промышленников и, по примеру Баку, накладывали свои руки на капиталистическую собственность. Представители отечественного и английского капитала уже не могли командовать рабочими, опираясь на солдат и даже казаков, ибо и те и другие были «заражены большевизмом». Свободными от этой заразы были в то время горские массы, которых обманывали буржуазия и ее приспешники из интеллигенции. Эти-то темные силы и намеревались использовать нефтепромышленники для покорения грозненской вольницы, поставившей в порядок дня экспроприацию нефтяных заводов и промыслов.

Среди чеченского народа также нарастало недовольство националистической политикой горских комитетов буржуазии, обострявшей отношения с русским населением и тем помогавшей только разбойникам, а не желавшему мирных и основанных на уважении к труду взаимоотношений с русским населением района. Мысли об отделении от России не пользовались успехом среди трудового чеченского народа.

Рост недовольства в самой Чечне вынудил и горскую буржуазию искать, хоть для видимости; путей для установления мирных взаимоотношений с городами Владикавказом, Грозным, Петровском. Появились и организовались отдельные группы лиц из чеченской трудовой интеллигенции, стремившиеся положить конец вражде, угрожавшей бедствиями трудовому народу.

Все отчеты мирных делегаций Владикавказского, Грозненского совет также военно-революцион-

ных советов Сунженской линии указывали «безвластие», господствовавшее в Чечне в период декабря - февраля 1918 года. И в то же время военные донесения тех же районов отмечали появление крупных вооруженных сил чеченцев, ингушей, доходивших единовременно до 6000 человек. Гарнизоны русских солдат разоружались крупными силами, крепость Ведено была осаждена, как сообщали беглецы, «полчищами» чеченцев. Все это вместе взятое говорило не об отсутствии власти, а скорее наоборот - о военной централизации этой власти.

Впечатление безвластия создавалось у делегаций потому, что они сталкивались, вернее, им представляли такие «безвластные» фигуры, которые ничего не решали. Власть же была у тех, кто двигал тысячами отрядами вооруженных людей, снабжал их боевыми средствами и продовольствием. Такая власть была налицо в Дагестане, Чечне, Ингушетии.

Весь конец декабря и весь январь происходили «мирные» переговоры то Грозного с чеченцами, то Владикавказа с ингушами, но в то же время налеты и массовые боевые действия не прекращались. Переговоры тянулись бесконечно и в то же время забирались пленники: одних уводили в горные аулы, других сажали в городские тюрьмы.

Постановление Моздокского народного съезда о прекращении военных действий между русскими и горцами дошло до Чеченского народного совещания и обсуждалось на нем 3 февраля. По каждому пункту условий, предложенных съездом, Народное совещание дало свой письменный ответ.

На предложение съезда прекратить военные действия и разбои совещание выражало согласие. Предложение не препятствовать восстановлению железнодорожной линии, телеграфа и телефона принимали с оговоркой: «если будет обеспечено прекращение военных действий со стороны казаков. Это условие вызвано видимым неподчинением казаков Моздокскому съезду».

По вопросу о выдаче чеченцами и ингушами всех порочных элементов, разбойников, контррево-

люционеров, натравливающих темные массы на мирное население, для предания их народному суду, Совещанием «выражено единоголосное согласие, однако чеченский народ полагает, что практическое осуществление выдачи воров и разбойников может состояться только после установления трудовыми народами Терской области твердой власти». В части же, касавшейся предания суду контрреволюционных групп, Совещание сообщало, «что чеченский народ полагает, что контрреволюционеры должны быть судимы со всей строгостью, и, настаивая на этом, предлагает немедленно создать смешанную следственную комиссию для всей территории Терской области».

На предложение съезда вернуть органам власти оружие и арсеналы Ведено, Хасав-Юрта Совещание отвечало, что «чеченский народ выражает на это полное согласие, признает вооружение и крепость Ведено общегосударственным достоянием. Вместе с тем чеченский народ полагает справедливым требовать, чтобы все артиллерийское и иное огнестрельное вооружение, состоящее у казаков, как общегосударственное достояние, было бы одновременно сдано в склады под смешанной охраной, состоящей из всех народов Терской области, так как все вооружение казаков казенного происхождения».

Решение съезда о том, что обмен пленными должен состояться после соглашения, Совещание считало неправильным и заявляло, что «чеченский народ по соображениям религиозного характера требует, чтобы обмена пленными и выдача трупов состоялись немедленно».

Ответы были даны за подписями председателя Чеченского народного совещания А. Мутушева и секретаря Арсункаева.

Этот ответ чеченцев мог бы служить базой для установления мирного сожительства русского населения с горцами, если бы наши товарищи внимательнее отнеслись к ответу и удовлетворили бы без колебаний по следнее, вполне справедливое требование чеченцев о выдаче пленных и трупов.

»

Скромная, застенчивая девушка, она была образцом вайнахского этикета. Опустив глаза долу, на блестящем родном языке она одинаково вежливо, достойно приветствовала и ребенка, и старца, и мужчину, и женщину...

Она умела приподнять людей в их собственных глазах.

Она не раздавала авансов. Искренне желая верить в самые достойные качества каждого из них, она оставляла людям возможность «держат планку»...

В ее присутствии робели люди, не привыкшие следить за своей речью...

При ней внутренне подтягивались мужчины, не привыкшие придавать словам женщин особого значения...

Все, кто ее знал, хорошо понимали, что даже у первых лиц в государстве, к кому она обращала свое тихое, но жесткое слово, не было никакого шанса смыть с себя в глазах народа ее презрение...

эты-лирики благоговели перед ней...

В Союз писателей Чечено-Ингушетии ее приняли без печатного поэтического сборника, без единого печатного слова...

Когда ее не стало, один из достойнейших среди них писал: «Чечня, понимаешь ли ты, какое несчастье постигло тебя? Или ты привыкла к несчастьям?»

Это был 1993-й год...

«Ты устала? Утомилась? / Положи мне голову на грудь. / Передохни немного. / Облегчи свое сердце... / Свободная моя, с горячим сердцем, / Незапятнанная Чечня моя!»

Как бы сиротливо, убого ни выглядел этот подстрочный перевод в наготе чужого языка, но даже

ЕЕ СЛОВО ЗАЗВУЧАЛО В ГОРАХ И НА РАВНИНЕ ЗАДОЛГО ДО...

Старцы вели себя с ней, как с равной. Ее слово, озвученное по радио, приходило в дом каждого. Она говорила с ними на родном языке. Но, услышав давно забытое слово, речь, не свойственную современникам, растревоженные старцы шли к ней в город, чтобы непременно встретиться с носителем языка героических эпох, оставшихся в истории...

Талантливые, оригинальные поэты и писатели, творящие на родном языке, предпочитали слушать ее, помалкивая о достоинствах собственных сочинений.

Непревзойденные чеченские по-

он прожигает душу...

Это дань - не литературной традиции: «Родина-мать...»; «О, Русь моя, жена моя!...»; «Подожди немного, отдохнешь и ты...» и т.д. Маленькой, хрупкой девушке с душой исполина ее крохотная Земля под названием «Чечня» так понятна и близка со всеми ее печальми, заботами и трудами, что ей хочется самой стать ей матерью, сестрой, близким человеком, на груди которого она могла бы и выговориться, и забыться сном...

Потому что ей можно доверять. Потому что она услышит. Отдаст за свою Чечню жизнь...

Но еще раньше замолит все грехи ее сынов. Своих братьев...

День, когда чеченцы - ее братья, став орудием большой политики, позволили расколоть свой народ, был самым черным днем ее короткой жизни. Еще не было на улицах Грозного человека с ружьем, когда запах пороха, угаданный ею в воздухе, лишил ее сна, покоя...

«Услышь меня, брат!» - напишет она в те дни свое пророческое слово, обращенное к чеченцам.

К братьям по крови. Дорогой ей крови!...

«Сан ваша!» - «Брат мой!» - обращение, принятое в вайнах-»

ской семье и передающее трепетное отношение сестры к брату вне зависимости от их возраста, на чужом языке может нести на себе отпечаток пафоса, патетики, напроць отсутствующих в ее слове. Глобальная катастрофа, нависшая над ее народом, нацией, была воспринята ею, как личная трагедия. Каждый чеченец стал ей родным. Каждого из них она пыталась убедить, уберечь, спасти...

Так почти двести лет назад пришел в этот мир святой Кунта-Хаджи Кишиев.

Великий учитель непротввления злу насилием. Учитель сына человечества - Льва Николаевича Толстого. В период тотального уничтожения чеченцев в тридцатилетней русско-чеченской войне он явился спасителем нации. Даже до царских сатрапов дошел великий смысл его слова, в проповедях и Зикрах подхваченного воспрявшим для жизни народом. Нравственная сила его слова была сильнее разящего клинка прославленного Шамиля, сражавшегося с великой империей «до последнего чеченца»... Оттого и принял он мученическую смерть в бессрочной ссылке на русской земле, оказавшейся неплохой приемной матерью для второго, сдавшегося в почетный плен своим непримиримым врагам...

Он, Учитель, Кунта-Хаджи Кишиев, пришел, когда силы его народа были на исходе...

Ее слово опять зазвучало в горах и на равнине задолго до начала великого Сопротивления, ожидавшего ее братьев...

«Брат мой, не спеши! Остановись! Наберись терпения и послушай, как стонет от нестерпимых мук душа твоей сестры...

Если будет нужно, я сама сниму для тебя со стены семейный кинжал, который прежде чем вынуть из ножен, тысячи раз взвешивая, держал в руках наш дед.

Если будет нужно, я сама вложу в твои руки кремневое ружье деда, на курок которого он не спешил нажать, стократ взвешивая все и мысленно проходя через врата ада.

Он, свято хранивший честь нашего дома, увидев, с какой легкостью ты берешься за оружие, осудил бы тебя. Ведь тебе нелегко

было бы услышать упрек из его уст. А он имел бы на это право. «Он побеждал своего врага терпением, горячим, прожигающим душу словом», - говорила нам нана. Ты забыл об этом? Забыл. Да, вдумавшись в ее слова, я тогда еще поняла, что оружие сильного человека - доброта, чистота души, выдержанность. Сильным был наш дед... Мужественным!...

А с тобой... Что происходит с тобой? Как ты изменился! Ты не смотришь в глаза нашей наны.

Ты не делишься со мной своими мыслями. Что происходит с тобой? Может, я лишилась рассудка? Или ты потерял разум?...

С тех пор, как ты стал отводить взгляд от нашей наны, перестал делиться со мной, стал реже бывать в отчем доме, в Чечне умножаются могилы... Наши девушки стали печальными... Темнее ночи кажется мне этот белый свет. Опоштелась жизнь. Давит душу, тесной ставшая родная Чечня!

Брат мой, ты слышишь? Слышишь ли ты плач моей души?.. Слышишь ли, как мается, колотится от боли сердце? Видишь, земля содрогнулась? Это не землетрясение... Это мое сердце разорвалось и разлетелось осколками по всему свету... Ты услышал?

Брат мой, мне легче предстать пред Высшим Судом с грузом твоих грехов, чем видеть, как ты бездумно множишь надгробия в Чечне. Неужели ты не знаешь, что тот, кто изобрел кинжал, не случайно ножны сделал теснее?.. Нет, не случайно... Надеюсь, что тот, кто в порыве ярости схватится за рукоятку кинжала, одумается, раскается...

Участившиеся ночные выстрелы пугают меня. Каждый выстрел пронзает мою грудь, обжигая горячим свинцом. Тяжко мне. Очень тяжело. А ты... ты отводишь взгляд...

Нет-нет, только сейчас я поняла, почему ты не смотришь мне в глаза...

Ты сбился с истинного пути. Запутался. Сам того не ведая, много грехов ты взял на свою чистую душу. Тяжело тебе будет, когда, осознав свою вину, ты вынужден будешь услышать свою надрывающуюся в раскаянии душу. Очень тяжело...

Повернись ко мне, мой дорогой брат, я же сестра твоя... Твоя сестра, которая в судный день, взвалив на свои хрупкие плечи весь груз твоих грехов, пойдет на Суд Божий.

Не отец, мать и брат, а я - твоя сестра...

О мой брат, ты узнаешь меня?.. Узнаешь?.. Взгляни вокруг: ведь этот мир и есть Судный день!

Отдай мне тяжесть своих грехов! Отдай... Как хорошо, что ты раскаялся...

Отдай мне тяжесть... Не стыдись...

Я всегда желала, чтобы ты вырос, как наши горы, мужественным, как наши башни, стойким....

Я молилась Всевышнему... И он услышал мои молитвы. Ты раскаялся...

Ох! Словно скалы давят своей тяжестью на мои плечи... О, мой Аллах, помоги мне устоять!..

Не дай мне дрогнуть, расслабиться не дай...

Чечня! Отвори свои двери!.. Идет твоя несчастная дочь, несущая груз грехов своего запутавшегося в этом мире брата. Ах, как сложна жизнь!.. Стоит раз оступиться...

Мои молитвы не дали пасть моему брату...

Чечня моя! Прости его! Отпусти ему грехи перед тобой!.. Ведь твоя сила, твоя высота, твоя доброта и есть истоки твоего Милосердия.

Чечня моя! Ты всегда любила свободу, была щедрой, умела прощать...

И Всевышний оценил это по достоинству: Он наградил тебя плодородием, народом с красивой повадкой, с благородными обычаями...

Прости меня, Чечня моя! Край гордых и свободных людей! Земля моя Обетованная!..

Открой двери своей несчастной дочери! Я несу груз грехов...

Моя истерзанная, израненная душа не дает мне покоя... О, Великий Аллах, как стонет, как рыдает она!..

Тысячи осколков, на которые разлетелось мое сердце, бьются в вечной агонии...

Земля содрогается от каждого их вскрика... Сколько же силы в нем оказалось!..

О, Аллах! Великий Дела! Из »

чего же ты его сотворил?..

Чечня, прости моего брата!..

Рожденная для любви и свободы, с пламенным сердцем, мужественная Чечня моя, прости! Прости, моя славная, моя хорошая, миролюбивая моя!..

О, Великий Аллах! Что это?..

О, Великий Дела! Да это же Апокалипсис!.. Апока-а-а-а...

О, Всевы-ы-ш-ш-ш-ний! Что это?..

Что?..»*

«Добро пожаловать в Ад!» - было выведено чьей-то рукой, уцелевшей в кровавой мясорубке, закрутившейся в декабре 1994-го года в Грозном...

Не этот ли Апокалипсис она хотела предотвратить?.. Или она увидела возвращение мстительных варваров в сентябре 99-го? Увидела, как оккупанты будут глумиться над ее народом, терзать его, прогоняя через адские «фильтры» и «зачистки»?..

Что видели эти глаза с мягким, ласкающим, потусторонним взглядом?..

Обреченная тяжелым недугом, лейкемией, она ушла из жизни внезапно, скоростно...

В расцвете своей мессианской деятельности. Аллергический шок, из которого ее с трудом вывели, оказался для нее губительным. Последствия стали необратимыми...

Она почувствовала дыхание... Не смерти - Бога!.. Он дал ей силы проститься с близкими друзьями, не оставлявшими надежду на чудесное исцеление. Ангелы уже кружили над ней...

Она улыбалась, чтобы придать мужества друзьям, стоявшим у ее изголовья. Ее руки, сожженные гашеной известью, нестерпимо горели... (Светлый праздник окончания поста в месяц Рамадан она хотела встретить в свежетыбеленном доме, но...)

Улыбаясь и шутя над собой, она, как в боксерскую грушу, била руками в стену, лежа на больничной кровати. Никто из присутствующих так и не понял, что она пыталась заглушить боль, которая рвала ее нутро...

Вошла медицинская сестра. Увидев в ее руках шприц, она твердым движением остановила ее: «Со Далла дүхъял йөдүш ю.

Ма дотталахь суна чу и д1овш» («Я готовлюсь предстать перед Аллахом. Не вливай в меня эту отраву!..»)

Готового забиться в истерику молодого журналиста она, улынувшись, попросила: «Исрапил, воха ма вохлахь. Стоглара ма валалахь, со д1аелчи!» («Исрапил, не теряй самообладание. Мужественности не лишай себя, когда меня не станет!»)

Думаю, умереть так, как умерла она, хотели бы самые стойкие, самые героические мужчины...

Ей было всего 35 лет...

Восьмого марта в Чеченском Драматическом театре имени Х. Нурадилова ее чествовали вместе с другими известными в Республике женщинами. А через неделю трагическая весть потрясла Чечню. В селение Валерик шли и шли люди... Не зная адреса ее отчего дома, достаточно было просто идти за этим людским потоком...

Женщины плакали, не скрывали слез и горя мужчины... А у порога с улыбкой на лице, успокаивая безутешных, большей частью незнакомых людей, стояла ее мама...

Достойная своей дочери. Такой дочери!..

С почтением и глубоким уважением относилась она всегда к своей нане. Никогда не позволяла себе переступить через предписанное священным адатом...

Говорят, однажды к ней пришла убитая горем девушка. Она просила ее навестить умирающего брата, давно и без памяти влюбленного в нее. С неброской внешностью, скромная, она не могла подумать, что может кому-то внушить серьезные чувства. Слова девушки смутили ее. Воспитанная на вайнахских традициях, она не могла позволить себе переступить порог дома жениха, но и несчастную сестру не могла отпустить ни с чем. Ей пришлось пообещать, что, открывшись своей нане, она посетит их на следующий день.

«Если любишь, навести юношу», - сказала мать. Не смогла она обнажить свои чувства...

Говорят, на похоронах убитая горем мать пожелала ей участи своего сына...

Девушка так и не вышла замуж. Вся ее нерастратенная любовь

вместе с преследовавшим ее раскаянием легли в основу удивительных, пронзительных по силе чувств художественных посланий: «Неотправленные письма...»

Эти «Письма» будоражили воображение матерей, желавших видеть своих сынов счастливыми...

Они приходили на радио и настойчиво добивались встречи с этим «красивым юным созданием».

Никому, даже молодым людям, осаждавшим республиканское радио, не приходило в голову, что создательница этих проникновенных строк, вызвавших в них такую бурю чувств, незамеченная ими, покидала здание, иронизируя над собой...

Ей не хотелось отнимать у людей веру в прекрасное... В мечту, которая окрыляет...

В любовь, которая не умирает...

Ей казалось, что все это к ней это уже не относится...

Ей, которая была и осталась не умирающей Любовью в сердце своего народа...

Даже после двух оглушительных войн, выпавших на долю ее народа, после стольких потерь и утрат, она осталась его самой пронзительной болью...

«Великий Аллах! Не дай мне увидеть страданий моей Чечни!» - просила она в своих молитвах...

Но если бы ей довелось дожить до этого дня, ее слово к своим братьям было бы иным... И «кремневое ружье деда» положило бы конец Апокалипсису на ее Земле...

Любимица Бога, она не увидела мук родной земли...

Уже то, что ее не стало среди нас, было нам предостережением...

Бана Гайтукаева. Взявшая на себя груз наших грехов...

Как и десять лет назад, своим мягким, бархатным взглядом, заглядывающая к нам в душу...

И дай нам Бог... не отвести глаз...

Не отвернуться...

Марьям ВАХИДОВА,
для журнала «ДОШ».

***Слово «Услышь меня, брат!»
дается в переводе Марем
ЯЛХАРОВОЙ.**

Пока стоят незыблемые горы...

Марина ШАТОВА. Наурская казачка. Родилась и выросла в Чечне, среди чеченцев, которым и посвящены все ее поэтические строки. В них вы найдете традиции ностальгирующей русской души, но выкованный суровыми Законами Гор поэтический строй и сдержанный, мужественный слог, закованный в экспрессию вайнахского языка, делают ее неповторимым русским поэтом...

«Пока стоят незыблемые горы,
Из сердца их покуда Терек бьется,
Пока чисты небесные просторы,
И истина видна со дна колодца,
Пусть не придет, а если уж

родится,
Не доживет до первого восхода,
Не пожелает кто свободной
птицей
Крыло поднять в пучину
небосвода.

Быть не дано тому, кому по нраву
Жизнь провести покорно,
осторожно,
Взирать на мир, в степных
укрывшись травах
Иль замата след в пыли
дорожной.
Жить не достоин тот на белом
свете,

Кто с первым вздохом волю не
встречает...» -
Так говорили предки на рассвете.
А на закате кто им отвечает?
* * *

Мы сорвались на дно ущелья,
На миг коснувшись снежных туч.
Мы высоту вернуть посмели,
Но нас смело лавиной с круч.

Мы новых родников потоки
Родим, в падении смешав
Стремлений наших чистых соки
С дыханьем скал и кровью трав.

Сливаясь в реки на равнине,
От милой Родины вдали,
Как новый облик свой мы
примем
И вкус, и цвет чужой земли.

Но за сохранность отраженья
Родных небес в глубинах глаз
Вновь испытаем поражение
От моря, что не примет нас.

Руки в золото,
Сердце в чёрное.
Кровь разбавлена
Чёрным золотом.

Пыль от Родины,
Травы сорные.
Нам оставлена
Тень от Родины.

Насекомое
Население.
Копытит тепло
Насекомое.

Мы ж посмели быть
Пуще тления.
Жарким заревом
Мы дерзнули быть.

Их народные
Тешат звания.
Родословные
Их породные.

Мы свободы крик
Взяли знаменем.
Нам родной язык —
За свободу крик.

Крик отчаянный.
Жизнь расколота.
Жизнь расколота
Неслучайная.

Шаг неистовый
Прочь от золота.
Прочь от золота,
Сердце в чистое.

Край, разорванный в кровь,
Мы покидали.
С гор да в степи —
Любовь —
Родные дали.

В подлой руке кастет —
Удар жестокий —
Кровью залил рассвет
Степные щеки.

Дерзкий укус из скал
Небу не внове —
Солнца в горах оскал —
Закат до крови.

Сколько небом крови
Выпито нашей!
Не привыкать любви
К жертвенной чаше.
* * *

С Правдой, с глазами зверя
Мне бы остаться жить,
В чистые зори веря,
С белой ладони пить,

Разума одичалость
Не испытать в годах,
Ведать, что нам досталось
В Вечность рвущих следов,

Поиск добычи сердцу
Не запрещать в ночи,
Жарким движеньем греться,
А не теплом печи,

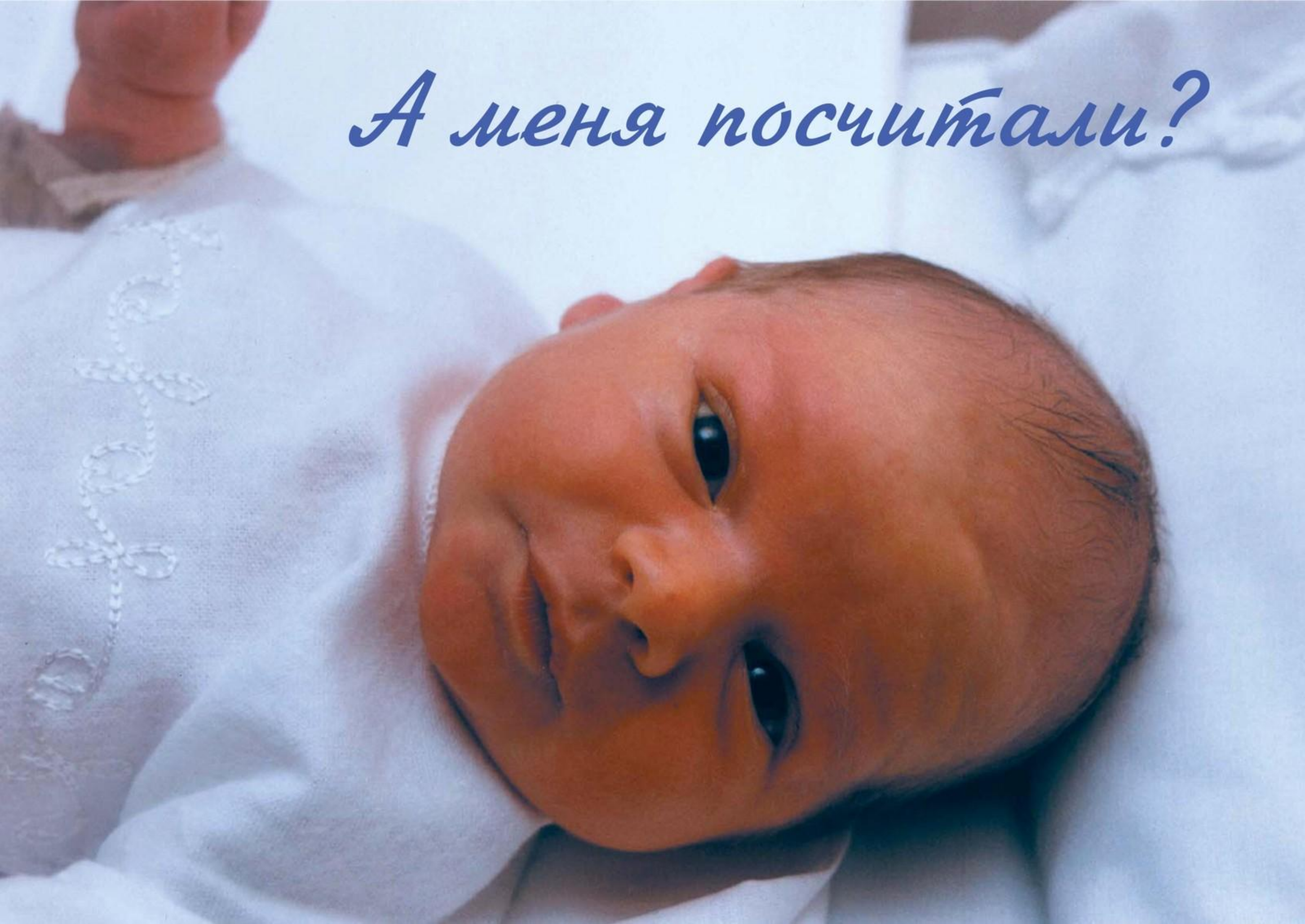
Мне бы глазами зверя
С правдой на жизнь смотреть,
В белые зори веря,
Чистую встретить смерть.

2002

2002

1999

А меня посчитали?

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

АПТИ ДАУДОВ

Абсолютный Чемпион Москвы и России,
пятикратный Чемпион Мира,
шестикратный Победитель Кубка Мира

ДОШ

СЛОВО

Издатель и учредитель
«Общественная организация
«Региональная гражданская
инициатива - право на жизнь
и гражданское достоинство»
(председатель правления
В. Коган-Ясный,
исп. директор О. Чириков)

Адрес правления:
РФ, 103982, г. Москва,
пер. Лучников, 4

Телефон (095) 206-86-39.

e-mail: gendar@co.ru

Над номером работали:
Исрапил Шавхалов
(главный редактор)
Абдулла Дудуев
(зам. гл. редактора)
Виктор Коган-Ясный
Марьям Вахидова
Олег Чириков
Ирина Васюченко
Георгий Зингер
Людмила Алдошина

Отдел распространения
Лиза Умарова
тел. (095) 782-42-99

Макет
Абдула Дудуев

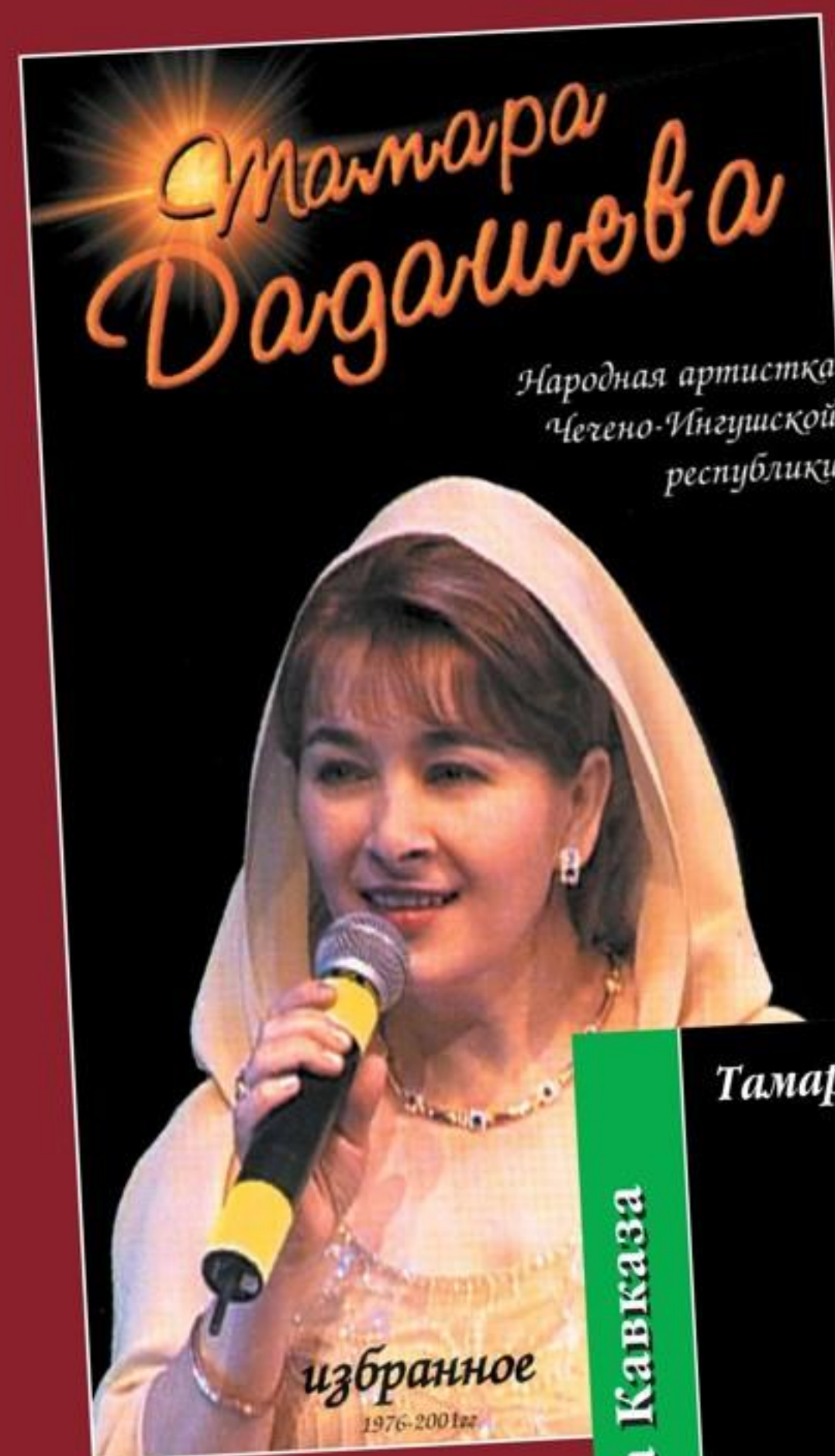
Верстка
Дмитрий Яковлев
Сергей Хлебников

Мнения, высказанные
в авторских материалах
и в интервью, не обязательно
совпадают с позицией
издателя и редакции.
Все права на материалы,
опубликованные в номере,
принадлежат редакции.
Перепечатка без разрешения
редакции запрещена.
При использовании
и цитировании материалов
ссылка на «ДОШ» обязательна.

Тираж 900 экз.
Типография
«Эребус-Принт»

Цена свободная.

Заказы на размещение рекламы
в журнале «ДОШ» принимаются
по тел. 8-926-225-35-92 или
e-mail: gendar@co.ru

Народная артистка
Чечено-Ингушской
республики

избранное
1976-2001гг.

Звезда Кавказа

Тамара Дадашева

Дахаран миноташ

Лицензионные
видеокассеты
и компакт-диски
с избранными
песнями
Тамары
ДАДАШЕВОЙ,

а также аудио-
и видеопродукцию
с записями артистов вайнахской эстрады,
вайнахскую литературу (книги, журналы),
вы можете заказать по тел. (095) 782-42-99.